

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ФАРАОНЕ СЕСОСТРИСЕ И ЕГО ВОЙНЕ СО СКИФАМИ¹

Проблема соотношения вымысла и реальности в античной прозе, в том числе исторической, является одним из основных вопросов, занимающих специалистов по древности – как историков, так и филологов. Это неудивительно – от ответа на него в значительной степени зависит наше представление и об античной литературе, и об источниках, которыми мы пользуемся для восстановления истории древних обществ. В своей недавней книге «Fiction as History» Г. Бауэрсок обратил специальное внимание на сложность отношений между вымыслом и действительностью в античной литературе и, в частности, на тот факт, что между историческим описанием и художественным вымыслом отсутствовали четкие границы даже в позднее время². При этом не только за каждым из них не был закреплен определенный жанр, но, похоже, даже и понятия разграничивались далеко не всегда достаточно четко. Однако проблема разграничения истины и вымысла в описании прошлого и настоящего занимала древних историков с самого момента возникновения греческой прозы. Символично, что собрание фрагментов греческих историков Ф. Якоби открывается фразой, посвященной именно этой проблеме (FGrHist. 1 F 1): самый ранний известный нам ионийский прозаик, Гекатей Милетский, начал свой труд следующей фразой: τάδε γράφω, ὡς μοι δοκεῖ ἀληθῆα εἶναι· οἱ γάρ Ἑλλήνων λόγοι πολλοὶ τε καὶ γελοῖοι, ὡς ἐμοὶ φαίνονται, εἶσιν – «я пишу это согласно тому, что считаю правдой; ведь истории греков многочисленны и смешотворны, как мне кажется». Впрочем, декларация Гекатея не помешала Геродоту в свою очередь объявить рассказы Гекатея смешотворными (см., например, IV. 36), а обвинения самого Геродота о том, что он рассказывает небылицы, в поздней литературе стали почти общим местом. Хотя чуть ли не каждый историк претендовал на то, что он отделяет истину от вымысла, и критиковал своих предшественников как рассказчиков небылиц, ситуация мало изменилась за следующие столетия. Еще император Юлиан (Epist. 89, 301 b), вполне в духе Гекатея и всех последующих историков, призывал читать «истории», описывающие реальные события, и отвергать вымыслы, преподносимые «древними» под видом истории (Πρέποι δ' ἄν ἡμῖν ἱστορίαις ἐντυγχάνειν, ὁποῖαι συνεγράφησαν ἐπὶ πεποημένοις τοῖς ἔργοις· ὅσα δέ ἐστιν ἐν ἱστορίας εἶδει³ παρὰ τοῖς ἔμπροσθεν ἀπηνευμένα πλάσματα παραιτητέον, ἐρωτικὰς ὑποθέσεις καὶ πάντα ἀπλῶς τὰ τοιαῦτα). Последнее уточнение показывает, что он подразумевает здесь не только любовные романы, но и прочие вымыслы, преподносимые как исторические описания. Понятно поэтому замечание Секста Эмпирика о том, что критерии для разделения истины и вымысла в исторических сочинениях отсутствуют (Adv. Math. I. 263–269), а

¹ Благодарю Фонд им. Александра фон Гумбольдта и Центр эллинских исследований, при поддержке которых я мог работать над этой статьей в Гейдельберге и Вашингтоне.

² Bowersock G.W. Fiction as History. Nero to Julian. Berkeley–Los Angeles–London, 1994. P. 1–27. Ср. статью в сб.: Lies and Fiction in the Ancient World / Ed. C. Gill, T.P. Wiseman. Austin, 1993, с литературой.

³ Это место показывает, что Юлиан в данном случае употребляет ἱστορία в значении «историческое сочинение», а не просто «рассказ, сюжет» и т.п.

также и утверждение Сенеки (Quaest. natur. VII. 16, 1–2), что все историки, добросовестные и недобросовестные, лжецы: разница лишь в том, что одни, введенные в заблуждение, не могут избежать лжи, а другим она нравится, и они ее ищут (quidam creduli, quidam negligentes sunt; quibusdam mendacium obrepat, quibusdam placet; illi non evitant, hi appetunt)⁴.

Неудивительно таким образом, что в греческой исторической литературе немалую роль играет псевдоистория. Под псевдоисторией я понимаю описания вымышленных событий, зачастую весьма детализированные, которые составляют часть исторического описания и формально от него не отличаются⁵. Некоторые из таких описаний имели большой успех и многократно заимствовались античными авторами друг у друга, обрастая все новыми деталями и подробностями и оказывая немалое влияние на развитие античной исторической прозы, а также и других ее жанров: границы между историей, псевдоисторией и вымыслом (например, романом)⁶ всегда были весьма зыбкими. Невозможно поэтому адекватно представить себе античную литературу, и в частности историческую прозу, не уделяя специального внимания псевдоистории.

В данной работе я предполагаю проследить историю возникновения и развития одной из таких псевдоисторических традиций – повествования о войне между египетским фараоном Сесострисом и скифами. Античная традиция о Сесострисе, особенно рассказ о нем Геродота, многократно анализировалась и достаточно хорошо изучена⁷, поэтому я могу не обсуждать здесь всю совокупность проблем, связанных с этой

⁴ Об «историках-лжецах» и трактовке этой проблемы в эллинистическое и римское время см. Wiseman T.P. *Lying Historians: Seven Types of Mendacity // Lies and Fiction...* P. 122–146.

⁵ Толкование этого термина как «works which tell of historical events in an account that is itself "untruthful"» (Holzberg N. *The Genre: Novels Proper and the Fringe // The Novel in the Ancient World / Ed. G. Shmeling. Mnemosyne. Suppl. 159. Leiden–New York–Köln, 1996. P. 18*) отличается от предложенного здесь. Дело, видимо, в том, что Н. Хольцберга интересуют исторические элементы в романе, т.е. вымышленном повествовании, меня же – вымышленные элементы в историческом повествовании. На мой взгляд о «псевдоистории» лучше говорить именно во втором случае, а в первом – например, об «историческом романе».

⁶ О связи греческого романа с историографической традицией см. Hagg T. *The Novel in Antiquity. Oxf., 1983. P. 111–114; Reardon B.P. The Form of Greek Romance. Princeton, 1991. P. 59–61, 142–144; Morgan J.R. Make-believe and Make Believe: The Fictionality of the Greek Novels // Lies and Fiction... P. 184–187, 197–215; Ruiz-Montero C. The Rise of the Greek Novel // The Novel in the Ancient World. P. 42–48, с литературой.*

⁷ Sethe K. *Sesostris. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens. II, 1. Lpz, 1900; Maspero G. La Geste de Sésostris // Journal des savants. 1901. P. 593–609, 665–683; Kees H. Sesostris // RE. z.R. II, 2. 1923. Sp. 1862–1876; Posener G. A propos de la stèle de Bentresh // BIFAO. 1934. 34. P. 75–81; Braun M. History and Romance in Graeco-Oriental Literature. Oxf., 1938. P. 13–18; Malaise M. Sésostris, Pharaon de légende et d'histoire // ChÉ. 1966. 41. P. 244–272; Lloyd A.B. Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia. 1982. 31. P. 37–40; idem. Herodotus. Book II. Commentary 99–182. Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. 43. Leiden–New York–Köbenhavn–Köln, 1988. P. 16–37; Obsomer C. Les campagnes de Sésostris dans Hérodote. Bruxelles, 1989, с прочей литературой. Ср. Lange K. *Sesostris, Ein ägyptischer König im Mythos, Geschichte und Kunst. München, 1954* (популярная брошюра, содержащая ряд неточностей и ошибок). Ср. также Armyor O.K. *Sesostris and Herodotus' Autopsy of Thrace, Colchis, Inland Asia Minor, and the Levant // Harvard Studies in Classical Philology. 1980. 84. P. 51–74*, где автор отрицает египетский элемент в геродотовском рассказе о Сесострисе (как и других рассказах о Египте), заменяя его «Mesopotamian inspiration». Эта теория не доказана, особенно в том, что касается геродотовских Assyrioi logoi, которые, возможно, вообще никогда не были написаны и видеть в которых источник II книги гораздо более рискованно, чем предполагать для нее египетские источники, как это делается обычно. Столь же легковесны параллели между Сесострисом и греческими героями, например Ясоном, – они ограничиваются упоминанием Колхиды и военных кораблей в рассказах об обоих и тем, что Ясон и Сесострис были женаты. Вряд ли можно на основании этого утверждать, что весь рассказ о Сесострисе – слепок с мифа о Ясоне. Автор справедливо замечает, что геродотовские ссылки на египетских жрецов скорее всего фиктивные и вряд ли Геродот действительно получал информацию непосредственно от них. Однако из этого еще не следует, что Геродот вообще не был в Египте и не разговаривал с его жителями (скорее всего с египетскими греками). Недопустимо, кроме того, рассмотрение всех античных рассказов о Сесострисе вместе, как делает автор, – в них четко выделяются разные традиции, имеющие отчасти различное происхождение (см. ниже). Весьма сурово, но справедливую критику его взглядов см. Pritchett W.K. *Studies in Ancient Greek Topography. Pt. IV (Passes). Classical Studies. 28. Berkley–Los Angeles–London, 1982. P. 234–285.**

темой. Впрочем, рассказы о скифской войне египетского фараона составляют весьма значительную часть традиции о нем, и я не смогу обойтись без нескольких замечаний общего характера.

В основе античной традиции о Сесострисе, начиная с рассказа Геродота, лежат, очевидно, некие фольклорные рассказы об этом царе, которые были широко распространены в Египте. Сесострис стал собирательным персонажем, в рассказах о котором ходячие фольклорные сюжеты соединились с воспоминаниями о былом величии египетской державы и походах нескольких древних фараонов. В фольклорных рассказах о нем существенную роль играла «национальная пропаганда», прославлявшая Сесостриса как воплощение величия Египта, великого царя, который превзошел современных владык страны, прежде всего Кира и Дария. Несомненен и греческий вклад в «роман» о Сесострисе, включая и литературную переработку разных авторов, начиная с Геродота. Наличие этих элементов в традиции о Сесострисе признается почти всеми, однако их удельный вес оценивается по-разному. По-разному оценивается и соотношение различных вариантов античной традиции об этом царе.

Для того, чтобы представить себе облик фольклорной основы вошедших в греческую литературу рассказов о Сесострисе, их следует сопоставить с многочисленными египетскими сказками, песнями, поучениями и т.п., героями которых были исторические персонажи, особенно часто различаются фараоны, в том числе и Сенусерт / Сесострис. Этот вид литературы был чрезвычайно популярен в Египте в течение всей его истории⁸; его позднейшим сильно эллинизированным ответвлением является и псевдокаллисфеновский роман об Александре, написанный в Египте, видимо, в III в. н.э.⁹ (ср. ниже). Множество происходящих из Египта литературных демотических папирусов, количество которых не меньше, если не больше, греческих литературных¹⁰, свидетельствует о том, что египетская литература процветала здесь в птолемеевскую и римскую эпоху и соответствующая традиция никогда не прерывалась. В основном это были новые произведения: большая часть литературы Среднего и Нового царства в позднюю эпоху уже была утрачена и сохранялась лишь в устной традиции, хотя не исключено и сохранение некоторых литературных текстов¹¹. Египетские рассказы о фараонах циркулировали в устной и письменной форме далеко не только в египтоязычной, но и в грекоязычной среде Египта начиная по меньшей мере с III в. до н.э. Об этом свидетельствует, например, фрагмент литературного сочинения, известного как «Сон Нектанеба», относящийся к этому времени¹². Особый интерес представляет еще один образец египетской литературы о фараонах на греческом языке, правда, иного жанра. Речь идет о гимне в честь легендарного царя Порраманреса (обычно отождествляемого с Аменофисом), написанном в начале I в. до

⁸ Ср. *Erman A. Die Literatur der Aegypter. Gedichte, Erzählungen und Lehrbücher aus dem 3. und 2. Jahrtausend v. Chr.* Lpz., 1923, S. 39–121, 197–237, 318–349; *Hermann A. Die ägyptische Königsnovelle // Leipziger Ägyptologische Studien.* 10. Glückstadt–Hamburg–New York, 1938. О литературе эпохи XII династии и ее роли в рождении легенд о Сесострисе см. *Posener G. Littérature et politique dans l'Égypte de la XIIe dynastie.* P., 1956, passim, особ. P. 141–144.

⁹ О близости между древнеегипетскими литературными сочинениями о фараонах и «романами» о Сесострисе и Александре см. *Pfister F. Studien zum Alexanderroman // Pfister F. Kleine Schriften zum Alexanderroman. Beiträge zur klassischen Philologie.* 6. Meisenheim am Glan, 1976. S. 41–51.

¹⁰ *Samuel A.E. From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt. Studia Hellenistica.* 26. Louvain, 1983. P. 108–110; *Tait J. Egyptian Fiction in Demotic and Greek // Greek Fiction. The Greek Novel in Context // Ed. J.R. Morgan, R. Stoneman.* L. – N.Y., 1994. P. 203–222.

¹¹ *Tait.* Op. cit. P. 204–205. Ср. *Hermann.* Op. cit. S. 39–42.

¹² См. *Koenen L., The Dream of Nektanebos // The Bulletin of the American Society of Papyrologists.* 1985. 22. P. 171–194, с литературой; ср. *Ancient Greek Novels. The Fragments / Ed. S.A. Stephens, J.J. Winkler.* Princeton, 1994. P. 13–16. Возможно, сюда же относится папирусный фрагмент, опубликованный как «a narrative about Amenophis» (P. Oxy. 3011); *Kussl P. Papyrusfragmente griechischer Romane. Classica Monacensia.* 2. Tübingen, 1991. S. 178 f. Фрагмент, однако, слишком мал и не позволяет судить о содержании и жанре произведения. Возможно, речь идет о чисто греческом романе на восточную тему, вроде романа о Нине и Семирамиде, ср. *Ancient Greek Novels... P. 23–71.*

н.э. в Фаюме неким Исидором. Автор, египтянин, для которого греческий язык не был родным, излагает египетские источники, стараясь при этом подражать образцам греческой эпической поэзии, включая Гомера¹³.

Рассказы о Сесострисе, сохранившиеся в пересказах античных авторов, очевидно, принадлежали тому же кругу и хронологически располагались между древнеегипетскими сказками и рассказами, где действовали фараоны, с одной стороны, и романом об Александре – с другой. Попытки египтологов сопоставлять рассказы Геродота о Сесострисе с египетскими текстами эпохи Сенусертов или Рамсеса II и рассматривать эти рассказы как источник по египетской истории¹⁴ представляются поэтому излишне прямолинейными – они не могут дать большого результата, чем, например, попытки изучать историю правления Хеопса на основании древнеегипетской сказки о Хеопсе и волшебнике или историю раннего средневековья по легендам о короле Артуре. Следует учитывать также, что египетские рассказы о Сесострисе к тому же подверглись греческой переработке (не только Геродота, но еще и его информаторов), так что они еще больше удалились от своей исторической основы, чем египетские сказки о фараонах. Разумеется, произведения художественной литературы на исторические темы могут быть важным историческим источником, однако они говорят гораздо больше об эпохе своего создания, чем об эпохе, в которой действуют их персонажи¹⁵.

ГЕРОДОТ О СЕСОСТРИСЕ И ЕГО ВОЙНЕ СО СКИФАМИ

Геродот является первым античным автором, сообщаящим как о самом Сесострисе (II. 102–110), так и о его войне со скифами. Сесострис, по рассказу Геродота, был великий завоеватель, который покорил всю Азию, а в Европе дошел до областей скифов и фракийцев (II. 103). В отличие от Дария, которому не удалось победить скифов, он подчинил, кроме остальных народов, захваченных Дарием, также и их (II. 110). Этот рассказ является составной частью изложенной Геродотом истории Сесостриса, которая восходит в основном, очевидно, к греко-египетскому устному источнику. Используемая Геродотом форма имени этого легендарного царя, Σέσωστρις, которая стала самой распространенной в греческой литературе, является передачей имени нескольких фараонов XII династии S-n-Wšrt («Человек (богини) Уосрет»)¹⁶, которое, вероятно, производилось Senwšre или Sewšre. Вторая сигма в этой транскрипции возникла или в результате ассимиляции n между двумя s, или для избежания зияния между ε и φ, передающей w. Тау здесь эпентетический согласный, который часто появляется в греческом в передаче иноязычной группы звуков «s + плавный»¹⁷.

Очевидно, что рассказ о покорении Сесострисом скифов не отражает исторической реальности – ни один из египетских фараонов, как известно, не совершал походов в районы севернее Сирии. Следует искать, следовательно, другое объяснение возникновения этого рассказа. Что касается повествования Геродота, здесь имеется две воз-

¹³ Vanderlip V.F. The Four Greek Hymns of Isidorus and the Cult of Isis // American Studies in Papyrology. 12. Toronto, 1972. P. 63–74.

¹⁴ См. например: *Sethe*. Sesostris; *Lange*. Op. cit.; *Malaise*. Op. cit.; *Obsomer* Op. eit. Против такого подхода справедливо возражал еще Г. Масперо (*Maspero*. Op. cit. P. 682), замечая, что его оппонент К. Зете «a traité son sujet comme s'il se fût agi d'une question d'histoire véritable, quand ce n'est qu'une question d'histoire littéraire». К сожалению, тот же упрек можно предъявить многим авторам более поздних работ. Здесь же Масперо говорит, что Сесострис – это не Сенусерт I, не Рамсес III, не Шешонк и не какой-либо другой исторический монарх, а «un Pharaon de roman... qu'on doit laisser à sa légende sans essayer de l'introduire dans l'histoire».

¹⁵ Cp. *Bowersock*. Op. cit. Passim.

¹⁶ *Ranke H.* Die Ägyptischen Personennamen. Glückstadt, 1935. Bd I. S. 279; Bd II. S. 226.

¹⁷ См. *Sethe*. Sesostris. S. 4–9; *idem*. Der Name Sesostris // ZAS. 1904. 41. S. 43–57; *Malaise*. Op. cit. P. 244–249. Ср. написание того же имени как S-wsr (без -n-) в демотических папирусах птоломеевской эпохи: *Spiegelberg W.* Demotische Miscellen. XXXIII. Sesostris in demotischer Schreibung // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1906. 28. S. 195–196. Тем самым отпадает главное возражение Г. Масперо против предложенной К. Зете этимологии имени Сесостриса: *Maspero*. Op. cit. P. 600–601.

возможности – рассказ о покорении скифов мог содержаться уже в известном историку устном рассказе о Сесострисе или являться его собственным дополнением. Первое предположение кажется более вероятным. Как известно, поражение, которое Дарий потерпел от скифов, произвело сильное впечатление на подданных Ахеменидов и их соседей и даже стало главной причиной формирования целой традиции о непобедимости скифов¹⁸. Возможно поэтому, что легенда о покорении Сесострисом скифов возникла после поражения Дария для возвеличивания древнего египетского царя и доказательства его превосходства над персидскими завоевателями, в частности Дарием. В пользу такого предположения свидетельствует рассказ Геродота о жреце Гефеста, в котором прямо указывается на превосходство Сесостриса над Дарием, в доказательство чего приводится именно его победа над скифами (II. 110). Этот рассказ, видимо, выдает причину появления легенды о покорении Сесострисом скифов и указывает как на ее местный источник, так и на достаточно позднюю дату (не раньше последнего десятилетия VI в. до н.э.)¹⁹.

Следуя своей обычной практике, Геродот объединяет изложение фольклорного рассказа с собственными наблюдениями, умозаключениями и научными экскурсами. Несомненно, самому Геродоту, кроме теории о том, что колхи происходят от египтян, принадлежит изыскание, касающееся стел Сесостриса (II. 103; 106), существование которых должно подтвердить реальность завоеваний последнего. Геродот сообщает, что он сам видел стелы Сесостриса в «Палестине-Сирии» (ἐν τῇ Παλαιστίνῃ Συρίῃ), а также его изображения на наскальных рельефах в Ионии: одно – на дороге из области Эфеса в Фокею, другое – из Сард в Смирну. Идентификация палестинских стел с известными памятниками достаточно сомнительна, хотя их часто отождествляют со стелами в Нахр эль-Кельб к северу от Бейрута²⁰, где, кроме египетских стел Рамсеса II, имеются и шесть ассирийских стел, две нововавилонских, а также ряд более поздних надписей²¹. Предлагалось и их отождествление со стелами, найденными в Бет-Шеане²². Последнее кажется предпочтительным, хотя нельзя не считаться с возможностью того, что памятники, которые Геродот видел в «Палестине-Сирии» (или о которых слышал или читал), не сохранились до нашего времени. Кроме того, это вовсе не обязательно должны были быть именно египетские стелы – рельефы из Ионии, которые Геродот считал изображениями Сесостриса, очевидно, не имеют к Египту никакого отношения. Впрочем, конкретная идентификация палестинских стел Сесостриса для нас не так уж важна. Достаточно лишь констатировать, что Геродот

¹⁸ Об этой традиции см. специально: *Тахтаджян С.А.* ΑΜΑΧΟΙ ΣΚΥΘΑΙ Геродота и последующая идеализация скифов Эфзором // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 43–52; ср. *Мельцова А.И.* Античная литературная традиция о скифской непобедимости // КСИА. 1949. 30. С. 105–110.

¹⁹ Ср. *Lloyd. Nationalist Propaganda...* P. 39. Здесь же приводятся параллели из демотической литературы, в которой имеются сообщения о других легендарных завоеваниях египетских царей (включая Ассирию и Индию). К. Обсоме (*Obsomer. Op. cit.* P. 141–158) считает упоминание здесь скифов собственным добавлением Геродота, ссылаясь на то, что жрец в Мемфисе не мог знать, захватил ли Дарий далекую Скифию и вообще о том, что это за страна. Очевидно, однако, что речь здесь идет не о реальном жреце, пререклющемся с царем, а о фольклорном персонаже, и пытаться реконструировать его «подлинную речь» (одна из глав в книге К. Обсоме так и называется «Restitution des propos du prêtre de Néphastois») столь же странно, как и выяснять содержание подлинных разговоров между Брунхильдой и царем Аттилой в эпосе о Нибелунгах. Кроме того, для создания соответствующего фольклорного рассказа вовсе не нужно было располагать подробной информацией о скифах – достаточно было знать, что так называется далекий северный народ, разгромивший дотла непобедимого Дария.

²⁰ Начиная с Ж.Ж. Шампольона: *Champollion J.J. Egypte ancienne.* P., 1839. P. 161–162. Ср. *Wiedemann A.* Herodots zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen. Lpz, 1890. S. 415; *How W.W., Wells J.A.* Commentary on Herodotus V.1. Oxf., 1936. P. 219 и др. Contra: *Lloyd. Herodotus...* P. 26; *Pritchett. Studies...* P. 269 f.

²¹ Публикацию см. *Weissbach F.H.* Die Denkmäler und Inschriften an der Mündung des Nahr El-Kelb. Wissenschaftliche Veröffentlichungen des Deutsch-Türkischen Denkmalschutz-Kommandos. 6. B. – Lpz, 1922.

²² *Obsomer. Op. cit.* P. 119–122. Ср. *West S.* Herodotus' Epigraphical Interests // CQ. 1985. 35. P. 300; *eadem.* Sesostris' Stelae (Herodotus 2.102–106) // Historia. 1992. 41. P. 118.

видел где-то в Палестине древние стелы (или слышал о них), которые он приписал Сесострису.

Что касается двух наскальных рельефов с изображением Сесостриса, находящихся в Ионии, то идентификация по меньшей мере одного из них может быть установлена достаточно уверенно. Речь идет об одном из двух сходных хеттских изображений вооруженной копьем и луком мужской фигуры, которые находятся в проходе Карабель в горах, разделяющих долины рек Герм и Каистр, т.е. на дороге из Эфеса в Фокою (позже здесь же была обнаружена еще одна надпись, без изобразительного рельефа)²³. Они во многом (включая размеры), хотя и не во всем, соответствуют описанию Геродота. Что касается второго упомянутого им рельефа, то скорее всего он находился в другом месте и до нашего времени не сохранился. Менее вероятно, в первую очередь по географическим соображениям (дорога из Сард в Смирну проходит севернее Карабела), его отождествление со вторым рельефом из того же прохода.

Как свидетельствует замечание Геродота в конце главы 106 второй книги (μετεξέτεροι τῶν θεσπασμένων Μέννονος εἰκόνα εἰκάζουσι μιν εἶναι – «некоторые из тех, кто их рассматривал, считают их изображениями Мемнона»), он не был первым, кто обратил внимание на эти рельефы²⁴. Однако, видимо, именно он впервые связал их с легендой о Сесострисе – ранее в литературе (Геродот явно полемизирует здесь с каким-то более ранним прозаиком) и, очевидно, в местной устной традиции рельефы считались изображениями эфиопского царя Мемнона, одного из центральных персонажей троянского цикла. Вряд ли можно использовать один из фрагментов Гиппонакта, сохранившийся у Цеца (fr. 7 Degani), в качестве доказательства существования уже в VI в. до н.э. ионийской традиции о рельефах Сесостриса и соответственно о его походах в Ионию. В этом сильно испорченном фрагменте перечисляются разнообразные памятники, расположенные в Лидии, видимо, на дороге в Смирну. Среди них называется гробница Аттала (Ἀττάλεω τύμβου), вероятно, сына лидийского царя Садиятта (Nic. Dam.: FGrHist 90 F 63), могила Гигеса (στῆλα Γύγεω) и некая μεγίστη στῆλη. В свое время Т. Бергк, на основании сопоставления именно с рассматриваемым текстом Геродота, предложил здесь исправление Σεσώστριος στῆλην, впрочем, не внося его в текст²⁵. Эта конъектура, однако, не кажется приемлемой, в первую очередь потому, что карабельские памятники, с которыми предлагается отождествлять гиппонактову стелу, никак не могут быть обозначены греческим словом στῆλη – речь идет о наскальных рельефах. Подобные памятники никогда не обозначались этим словом; не употребляет его и Геродот, который говорит τύποι ἐν πέτρῃσι ἐγγεκολλημένοι. Предлагались и другие конъектуры, из которых наиболее распространена Μεγίστηρος στῆλην (предполагается, что речь идет о любовнице Гигеса, ср. Athen. XIII. 573 a)²⁶, однако ни одна из них не является безупречной. Восстановление

²³ Wiedemann. Op. cit. S. 415–417; Friedrich J. Das hethitische Felsrelief vom Karabel bei Smyrna und seine Erwähnung bei Herodot II 106 // Annuarie de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles, 1937. 5. S. 383–390; Bittel K. Die Reliefs am Karabel bei Nif (Kemal Paşa). Nebst einigen Bemerkungen über die hethitischen Denkmäler Westkleinasiens // AfO. 1939–1941. 13. S. 181–193; Cook J.M. The Reliefs of «Sesostris» in Ionia // Türk Arheoloji Dergisi. 1956. VI, 2. P. 59–65; Bittel K. Karabel // MDOG. 1967. 98. S. 5–23; Güterbock H.G. Das dritte Monument am Karabel // IM. 1967. S. 63–71; Pritchett. Studies... P. 270–274; Lloyd. Herodotus... P. 26–28; Obsomer. Op. cit. P. 130–135; West. Stelae. P. 119; Pritchett W.K. The Liar School of Herodotus. Amsterdam, 1993. P. 107–109.

²⁴ Вопреки мнению А. Ллойда (Lloyd. Herodotus... P. 28), употребление слова μετεξέτεροι – «некоторые» не означает, что до Геродота эти рельефы также приписывались Сесострису.

²⁵ Poetae lyrici graeci / Rec. Th. Bergk. V. II. Lpz, 1915⁴. P. 467. Конъектура принята в издании Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati / Ed. M.L. West. V. I. Oxonii, 1989². P. 122, однако вовсе не является общепринятой, как утверждает Д. Фелинг (Fehling D. Herodotus and his «Sources»: Citation, Invention and Narrative Art. Wiltshire, 1989. P. 136). Его предположение, что Геродот заимствовал имя «Сесострис» у Гиппонакта, невозможно.

²⁶ Schneidewin F.G. Delectus poesis Graecorum. Göttingen, 1838. P. 220. Ср. Masson O. Les fragments du poète Hipponax Édition critique et commentée. P., 1962. P. 65, 132–134; Hipponax. Testimonia et fragmenta / Ed. H. Degani. Lpz, 1983. P. 31.

имени Сесостриса здесь, в любом случае, не убедительно и не может служить основанием для дальнейших построений.

Можно заключить из изложенного, что Геродот специально искал «стелы Сесостриса» и вовсе не обязательно считал таковыми именно египетские памятники. Как показывает случай с каравельскими рельефами, он готов был приписать египетскому завоевателю едва ли не любые древние стелы или даже наскальные рельефы, расположенные там, где, по его мнению, проходил Сесострис. Очевидно, сходным образом можно объяснить и сообщение о находках стел Сесостриса во Фракии и Скифии (II. 103). В самом деле, в погребальном ритуале населения причерноморских степей с самого древнего времени существовал обычай воздвигать на курганах, насыпавшихся над захоронениями, каменные антропоморфные стелы, на которые наносились различные изображения. Древнейшие погребальные стелы относятся еще к эпохе энеолита (IV тыс. до н.э.); тот же обычай существовал и у носителей культур бронзового века, и у современников Геродота скифов, и гораздо позже, в том числе у средневековых степных кочевников («каменные бабы»). Во времена Геродота, разумеется, сохранялось гораздо больше подобных стел, стоящих на курганах, однако даже и сейчас их находки в причерноморских степях и на территории Фракии совсем не редкость²⁷. Если Геродот в самом деле расспрашивал причерноморских греков о том, нет ли в Скифии каких-нибудь древних каменных стел, то он несомненно получил утвердительный ответ (кстати, одна из стел предскифского времени, вторично использованная, обнаружена и в самой Ольвии²⁸, где, вероятно, Геродот получил большую часть своей информации о Скифии). Судя по тексту, сам Геродот «стел Сесостриса» в Скифии и Фракии не видел, а узнал о них из некоего устного источника (на это указывает употребление слова *φαίνοινται*); не сообщает он и никаких подробностей об этих стелах – были ли на них изображения *αἰδοῦν γυναικός* или надписи. Сам факт того, что Геродот искал стелы Сесостриса в Скифии, подтверждает предположение о том, что ему уже были известны рассказы о покорении египетским царем скифов. Предполагать обратный ход мысли Геродота (он заключил, что Сесострис был в Скифии потому, что узнал, что там есть стелы) невозможно – украшенные изображениями древние стелы, принадлежащие мегалитическим культурам, можно найти во многих местах Средиземноморья²⁹, и в таком случае Геродот должен был бы сделать вывод о присутствии войск Сесостриса во всем известном ему мире.

Предположение о том, что упоминание о покорении скифов уже до Геродота входило в «роман» о Сесострисе, вытекает из всего содержания версии, изложенной Геродотом, а также из новеллы о жреце Гефеста. Из всех народов, покоренных Сесострисом, согласно излагаемой Геродотом истории о нем, одни только скифы не

²⁷ Стелы эпохи энеолита и бронзы см. *Häusler A.* Anthropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum // *Arbeiten aus dem Institut für Vor- und Frühgeschichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 1966. 15. S. 29–73; *Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству // *МИА*. 1969. 165. С. 150–189; *Тончева Г.* Monuments sculpturaux en Bulgarie du Nord-Est de l'âge du bronze // *Studia Praehistorica*. 1981. 5–6. P. 129–153; *Новицкий Е.Ю.* Монументальная скульптура древнейшего населения Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990. Стелы поздней предскифской и скифской эпохи см. *Членова Н.Л.* О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // *Фрако-скифские культурные связи*. *Studia Thracica*. 1. София, 1975. С. 81–89; *она же.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984; *Тончева Г.* Монументални скулптурни паметници от къснобронзовата и от ранножелязната епоха в България // *Thracia*. 1984. 6. P. 71–101; *Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. Предположение о том, что «стелы Сесостриса» были в действительности надписями Дария (*Pritchett. The Liar School...* P. 180. Not. 142, 185), маловероятно. Существование надписей Дария возможно во Фракии, но не в Скифии. Кроме того, Геродот в другом месте упоминает о такой стеле во Фракии (IV. 91), однако приписывает ее вовсе не Сесострису, а самому Дарию.

²⁸ *Членова.* О связях... С. 86.

²⁹ См., например: *Arnal J.* Les statues-menhires. Hommes et Dieux. Toulouse, 1976; *Landau J.* Les représentations anthropomorphes mégalithiques de la région méditerranéenne (3e au 1e millénaire). P., 1977; *Actes des journées d'étude des statues-menhirs*. Saint-Pont-de-Thomières, 1987, с литературой.

были подчинены персами. Если они не упоминались в известной Геродоту версии египетских рассказов о Сесострисе, непонятно, в чем состояло его превосходство над Дарием³⁰. Невозможно представить, как это делает К. Обсоме, что в рассказе о египетском царе лишь констатировалось, без всякого обоснования, его превосходство над Дарием и что Геродоту пришлось самому обосновывать это превосходство. В таком случае не было бы никакой фольклорной новеллы, содержание которой в том и состояло, что жрец Гефеста убеждал Дария в превосходстве над ним Сесостриса, причем привел аргументы, которые были не только достаточно убедительны, чтобы Дарий с ними согласился, но и не оскорбительны для него. Сходная новелла рассказана Геродотом в другом месте о Камбисе (III. 34). Камбис ставит перед своими приближенными по существу тот же вопрос: кто более великий царь – он сам, или его отец и предшественник, великий завоеватель Кир. Персы отвечают, что Камбис, поскольку он царствует над большим количеством земель, а Крез утверждает, что более великим был Кир, потому что у Камбиса еще нет сына, равного тому, что оставил Кир, т.е. самому Камбису. В этом споре между грубой и тонкой лестью Камбис отдает предпочтение последней и соглашается с Крезом, как Дарий согласился с жрецом Гефеста. Можно предположить, что в первоначальной версии этой фольклорной новеллы разговор между Дарием и египетским жрецом происходил не после, а до скифского похода. В противном случае указание жреца на позорное поражение Дария было бы просто дерзостью, которую тот вряд ли оставил бы безнаказанной, и мы имели бы дело с рассказом о правдолюбце-патриоте и жестоком царе-завоевателе. Однако в геродотовской новелле нет ничего подобного – Дарий соглашается с жрецом. Скорее всего жрец выступал здесь не только в роли «тонкого льстеца», подобного Крезу в новелле о Камбисе (по существу он сравнивает Дария с величайшим царем древности, Сесострисом, отмечая, что тот уступает ему лишь в том, что [еще] не покорил скифов), и находчивого патриота, хитростью отстоявшего национальные святыни, но и в роли другого хорошо известного в подобных новеллах фольклорного персонажа – советчика, который побуждает царя совершить поход против какого-нибудь народа для того, чтобы не уступить в славе более древнему владыке. Совершенно аналогично, например, Атосса побуждает Дария к новым завоеваниям, причем ему самому приходят в голову в первую очередь именно скифы (Herod. III. 134), и именно таковы побуждения Ксеркса начать греческую кампанию, хотя он сначала не собирался ее вести (VII. 5–9).

Такая трактовка этой новеллы подтверждается и ее пересказом у Диодора (I. 58. 4), который отличается от геродотовского варианта. Диодор сообщает, что, когда Дарий вознамерился поставить свою статую перед статуей Сесоосиса (о форме имени см. ниже) в Мемфисе, главный жрец (ἀρχιερεὺς) выступил в собрании жрецов с речью, в которой заявил, что этого не следует делать, поскольку Дарий еще не превзошел то, что совершил Сесоосис (ἀποφινάμενος ὡς οὐτῷ Δαρείῳ ὑπερβέβηκε τὰς Σесоῦσιος πράξεις). Разумеется, Дарий был польщен и сказал, что его подвиги надо будет сравнивать с подвигами Сесоосиса, когда он достигнет того же возраста, причем к тому времени он ни в чем не будет уступать ему. Как видим, несмотря на то что скифы здесь не упоминаются, смысл новеллы тот же. Оба варианта этой новеллы расходятся слишком сильно для того, чтобы можно было предполагать у Диодора просто заимствование из Геродота, прямое или опосредованное. Даже если считать, что Диодор или его источник использовали Геродота, они явно дополняли его свидетельства независимой информацией, восходящей к египетским устным источникам. Та же ситуация отмечается и в ряде других мест первой книги Диодора – информация, часто сходная с геродотовской, и, может быть, даже отчасти восходящая

³⁰ К. Обсоме (*Obsomer. Op. cit.* P. 156–157) полагает, что речь должна идти о покорении Нубии. Однако он сам указывает, что Дарий официально считался ее владыкой и название Нубии входило в официальную, в том числе египетскую, титулатуру Дария, ср. *Posener G. La première domination perse en Égypte. Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques. Bibliothèque d'étude. 11. Le Caire, 1936. P. 186–188.* Так же считали и античные авторы, включая Геродота.

к его сочинению, дополняется свидетельствами других источников, причем часто более осведомленных о Египте и дающих более точные сведения, чем Геродот³¹.

Итак, можно сделать вывод, что в основе геродотовского известия о том, что Сесострис завоевал скифов, лежит фольклорный источник египетского происхождения, прославлявший легендарного египетского царя и содержавший его противопоставление новым владыкам Египта, прежде всего Дарию. В духе египетского «национализма», древнему Сесострису приписывалось покорение всех народов, подчиненных персами, а кроме того и тех, что им покорить не удалось, что должно было показывать его превосходство. Видимо, этим и объясняется рассказ о покорении Сесострисом скифов – далекого северного народа, разбившего армию Дария и, вероятно, именно поэтому и ставшего известным египтянам. Эта деталь в легендах о Сесострисе, следовательно, появилась не раньше неудачного скифского похода Дария, т.е. не раньше последнего десятилетия VI в. до н.э. Вскоре после своего возникновения рассказ о скифском походе Сесостриса, который по существу является лишь слепком с похода Дария, благодаря Геродоту вошел в греческую литературу. Рассказ же о «стелах Сесостриса» в Скифии является собственным добавлением Геродота, результатом его *ἱστορίη*, в ходе которой он стремился найти подтверждение (или опровержение) египетского фольклорного рассказа. В основе этого сообщения, вероятно, лежит ставшая ему известной информация о том, что в Скифии имеются какие-то древние стелы, которые Геродот отождествил со стелами Сесостриса потому, что специально искал именно там эти стелы.

«ПРОЕГИПЕТСКАЯ» ТРАДИЦИЯ IV–III ВВ. ДО Н.Э. (ФЕОПОМП, АРИСТОТЕЛЬ, ДИКЕАРХ, НИМФОДОР, АПОЛЛОНИЙ РОДОССКИЙ)

В эпоху после Геродота Сесострис стал достаточно популярным персонажем в греческой литературе. Возможно, в «Филиппиках» Феопомпа содержался специальный экскурс о нем, однако судить о его содержании трудно. Ясно лишь, что Феопомп упоминал этого царя (FGrHist 115 F 46). То, что это упоминание находилось в третьей книге, содержанием которой был захват Филиппом Амфиополя, поход в Пангей и в Фессалию (F 42–44, 48 Jacoby), видимо, свидетельствует о его связи с походами Сесостриса во Фракию и Скифию. Можно предполагать, что он следовал в своем рассказе Геродоту, которого, очевидно, изучал достаточно тщательно. Известно, что Феопомп даже написал эпитамию геродотовской «Истории» в двух книгах (Suid. s.v. Θεόπομπος = FGrHist 115 T 1; F 1–4).

О Сесострисе писал и Аристотель, сообщения которого не вполне согласуются с геродотовскими, однако легко могут быть из них выведены. Прежде всего, он пишет, что Сесострис пытался соорудить канал от Нила до Красного моря (Meteor. I. 14. 352 b; ср. Strabo. I. 2. 31 (из Аристотеля); XVII. 1. 25) – информация, неизвестная Геродоту. Однако Геродот говорит, что именно Сесострис соорудил все имеющиеся в Египте каналы (II. 108), из чего вполне можно было сделать вывод, что древняя попытка сооружения канала, ведущего в Красное море, принадлежит именно ему. Кроме того, Аристотель упоминает Сесостриса в «Политике» (VII. 10. 1–6, 1329 b) как законодателя, которому приписывается государственное устройство Египта, в частности разделение общества на наследственные классы. Здесь вряд ли можно усмотреть появление новой информации – Сесострис выступает у Аристотеля в качестве аналога критского Миноса, как наиболее известная и яркая фигура египетской древности, которой удобно приписать законодательную деятельность (тем более, что о такой деятельности, правда, в другой связи, говорит и Геродот) и установление египетской «конституции». Разделение египетского общества на наследственные классы, видимо, впервые описанное Геродотом (II. 164–168)³², было наиболее известной чертой этой

³¹ Примеры см. Burton A. Diodorus Siculus. Book I. Commentary. Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain. 29. Leiden – New York – København – Köln, 1972. P. 1–34, особ. 26–29.

³² См. Lloyd. Herodotus... P. 182–201.

«конституции» (ср. Plat. Tim. 23–24; Isocr. Busir. 15 sqq. и др.)³³, и неудивительно, что его установление было приписано Сесострису.

Пожалуй, единственное, в чем Аристотель существенно отклоняется от Геродота – это указание на то, что Сесострис жил «гораздо раньше» Миноса. Согласно мнению Геродота, современник Троянской войны Протей был вторым царем Египта после Сесостриса (II. 112). В то же время Идомей Критский, участник той же войны, относится также ко второму поколению после Миноса, так что Сесострис и Минос, по Геродоту, должны быть примерно современниками³⁴. Вряд ли, однако, Аристотель вникал в эти хронологические расчеты – его указание скорее всего объясняется общим мнением греческих авторов о большей древности египетской культуры и египетского социального устройства по сравнению с греческим (ср. о древности египтян: Aristot. Meteor. I. 14, 351 b). Можно считать, таким образом, что Аристотель находился в основном в рамках геродотовской традиции о Сесострисе и вряд ли имел об этом царе какие-то независимые от нее источники информации. Отклонения от геродотовского рассказа легко объясняются собственными добавлениями Аристотеля, основанными не на новых сведениях о египетском царе, а на его собственных представлениях и теориях более общего порядка.

Прямой ученик Аристотеля Дикеарх также писал о Сесострисе, о чем свидетельствуют фрагменты его сочинения, сохранившиеся в схолиях к Аполлонию Родосскому (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272–276 Wendel = fr. 57–58 Wehrli). Из этих фрагментов мы можем узнать несколько больше о том, с какой точки зрения Сесострис интересовал Аристотеля и ранних перипатетиков и каков был его образ в их представлении. Судя по фрагментам, Дикеарх, как и Аристотель, интересовался Сесострисом прежде всего как законодателем и «культурным героем»; его завоевания даже не упомянуты. Продолжая традицию своего учителя, Дикеарх считает, что именно Сесострис разделил египетское общество на наследственные классы; кроме того, он приписывает ему «изобретение» коневодства³⁵.

Из этих фрагментов следует также, что Сесострис интересовал Дикеарха и с точки зрения хронографических штудий. Как сообщает Дикеарх, Сесострис правил после Гора (Ἦρος), сына Исиды и Осириса, причем его правление относится ко времени за 2500 лет до царя Нила, современника Троянской войны, со времени которого до первой Олимпиады прошло еще 436 лет. Таким образом, Дикеарх, в отличие от Геродота, считал Сесостриса первым египетским царем-человеком (ср. Herod. II. 144). Согласно мнению Геродота, первого египетского царя звали Μίνης, причем от Сесостриса его отделяло правление еще 330 царей (II. 98–102). Вероятнее всего, датировка Дикеарха основывается на принятом в школе Аристотеля мнении о том, что именно Сесострис был изобретателем египетского государственного устройства и, следовательно, первым египетским царем, а также на его датировке «гораздо раньше Миноса». Датировка падения Трои у Дикеарха совпадает с его датой в Паросской хронике, что, очевидно, свидетельствует о единстве источника (по мнению Ф. Якоби, одна из «Аттид»)³⁶.

Что касается абсолютной даты правления Сесостриса, а именно за 2500 лет до взятия Трои, то с ней дело обстоит сложнее. Вероятно, она связана именно с тем, что он считается первым царем-человеком, правившим Египтом после богов. Сама эта дата должна рассматриваться в общем контексте представлений о хронологии восточных мудрецов, которые существовали у Аристотеля и его учеников. Как известно, ученики Платона (а возможно, и он сам), включая Аристотеля, а затем и ученики последнего, всерьез интересовались иранским религиозным и философским дуализмом,

³³ Об использовании образа Египта в философских и политических теориях Платона, Аристотеля и Исократы см. *Froidefond C. Le mirage égyptien dans la littérature grecque d'Homère à Aristote. Aix-en-Provence, 1971. P. 231–353.*

³⁴ *Newman W.L. The Politics of Aristotle. V. III. Oxf., 1902. P. 387.*

³⁵ О деятельности Сесостриса как законодателя см. также *Ael. Var. hist. XII. 4, ср. XIV. 34.*

³⁶ *Jacoby F. Das Marmor Parium. B., 1904. S. 146 f.*

включавшим представления о борьбе в мире доброго и злого богов (что, конечно, не означает зависимости философии Платона от иранских учений, как это иногда предполагалось). При этом Зороастр, с именем которого связывались эти представления, возможно, считался как бы предтечей Платона, предвосхитившим его идеи³⁷. Согласно усвоенному в Академии варианту зороастрийских представлений («мудрость магов»), каждый из двух противоборствующих богов, Оромазд (Ὀρομάσδης, Ὀρομάζης), отождествляемый с Зевсом, и Ариман (Ἀρειμάνιος), отождествляемый с Аидом, попеременно побеждают, причем время господства каждого из них длится 3000 лет (Plut. De Is. et Os. 47, 370 bc = Theopomp. 115 F 65 Jacoby, из Евдокса). Под влиянием этих представлений Зороастра датировали за 6000 лет до Платона, подразумевая, что жизнью Зороастра начинается эра Оромазда, а жизнью Платона завершается эра Аримана (Eudox. Cnid. F 341–342 Lasserre; Aristot. Fr. 6, 34 Rose). Очевидно, вариантом той же датировки является и отнесение Зороастра ко времени за 5000 лет до Троянской войны (Hermodor. apud Diog. Laert. I. 2; Hermip. Fr. 78–79 Müller; Plut. De Is. et Os. 46, 369d)³⁸. Разумеется, использование этих трехтысячелетних циклов, в том числе для датировки Зороастра, вовсе не означает заимствования всего связанного с иранским хилиазмом мировоззрения: элементы иранских представлений, будучи включенными в греческий контекст, подвергались существенному переосмыслению и перетолкованию.

Очевидно, Аристотель и его ученики стремились связать эти сведения о Зороастре и магах с традицией о египетской мудрости. Прямым свидетельством этого является уже цитированный фрагмент сочинения Аристотеля Περὶ φιλοσοφίας (fr. 6 Rose = Diog. Laert. I. 8), в котором он говорит, что маги старше египетских мудрецов. Здесь имеется в виду, конечно, Зороастр и Сесострис, который, как указывалось, для перипатетиков – не завоеватель, а прежде всего первый египетский законодатель и основатель египетской мудрости. Если перипатетики стремились связать две традиции, они не могли не отождествить иранскую эру Оромазда с известной из Геродота (а возможно, и помимо него) эрой правления богов в Египте (Herod. II. 144). Окончание эры Оромазда и победу над ним Аримана греческий рационалист должен был отождествить с убийством Осириса Тифоном / Сетом и попыткой убить и его сына Гора (ср. Herod. II. 144, 156, 171; именно такое отождествление см. Plut. De Is. et Os. 46–47, 369 d – 370 c). Это событие, завершающее эру правления светлого бога, следовательно, должно было быть датировано на 3000 лет позже Зороастра. Поскольку по мнению Дикеарха Сесострис правил после Гора, сына Осириса, его правление начинается новый 3000-летний цикл, как эпоха Зороастра начала предыдущий. Правда, Дикеарх изменяет здесь опорную дату – следующий 3000-летний цикл начинается не жизнью Платона, как считалось в Академии, а примерно первой Олимпиадой, т.е. началом достоверной греческой истории (именно так оценивается первая Олимпиада в греческой хронографической традиции, ср. Euseb. Arn. 181 Karst; Hieronym. 86 a-b Helm) – Сесострис правит за 2500 лет до Троянской войны, от которой до первой Олимпиады проходит еще 436 лет, т.е. примерно за 3000 лет до начала летосчисления по Олимпиадам. Таким образом, датировка Сесостриса у Дикеарха, отклоняющаяся от геродотовской традиции, объясняется скорее всего представлением о нем как основателе египетской мудрости, возникшей на 3000 лет раньше греческой мудрости, но на 3000 лет позже мудрости магов, т.е. Зороастра. Разумеется, речь идет об ученой конструкции, никак не связанной с исторической реальностью.

³⁷ Jäger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. B., 1923. S. 133–138. Ср. критику: Spörri W. Encore Platon et l'Orient // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1957. IIIe Série, 31. P. 209–233, с литературой.

³⁸ См. об этом: Gisinger F. Die Erdbeschreibung des Eudoxos von Knidos. Lpz – B., 1921. S. 22 f; Jäger. Op. cit. S. 136–138; Kerschenshteiner J. Platon und der Orient. Stuttgart, 1945. S. 194 f, 209; Spörri. Op. cit. P. 215–216, 219; Lasserre F. Die Fragmente des Eudoxos von Knidos. Texte und Kommentare. Eine altentumswissenschaftliche Reihe. 4. B., 1966. S. 254 f.

В рамках геродотовской традиции остается и другой раннеэллинистический автор, упоминающий Сесостриса – Нимфодор Амфипольский, которого часто неправильно отождествляют с более поздним Нимфодором Сиракузским³⁹. Во фрагменте его сочинения *Νόμιμα βαρβαρικά*, сохранившемся в схолиях к «Эдипу в Колоне» Софокла (fr. 21 Müller, ср. Suda, s.v. *Σέσωστρις*), содержится изложение геродотовского пассажа II. 35–36, часто очень близкое к оригиналу. В этом пассаже говорится о том, что в Египте мужчины усвоили многие обычаи и привычки, характерные у других народов для женщин, а женщины – для мужчин. Правда, Нимфодор, в отличие от Геродота, приписывает их введение Сесострису – в соответствии с общей для эллинизма тенденцией связывать те или иные обычаи или изобретения с именем конкретного реформатора или мудреца. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что в греческой литературе, по крайней мере в раннеэллинистическую эпоху, таким собирательным образом египетского мудреца и правителя, с которым связывалась большая часть информации о Египте, был Сесострис.

Аполлоний Родосский также упоминает о деяниях Сесостриса, хотя и не называет его имени⁴⁰. Он сообщает (IV. 272–281) о некоем египтянине, который во главе своей армии покорил всю Европу и Азию и основал множество городов, в том числе город колхов Эю, жители которого до сих пор хранят надписи предков и *κόρυβας* с картой мира. Аполлоний кратко излагает здесь ту информацию, которую можно почерпнуть у Геродота: Сесострис покорил всю Европу и Азию и от его воинов происходят колхи; упоминание надписей – видимо, аллюзия на стелы и надписи Сесостриса, о которых говорит Геродот⁴¹.

ДИОДОР О СЕСОСТРИСЕ И СКИФО-ЕГИПЕТСКОЙ ВОЙНЕ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Существенно новые данные о легендарном египетском царе мы находим у Диодора. В составе первой книги его сочинения имеется достаточно подробный рассказ о деяниях египетского царя, сильно отличающийся от рассказа Геродота и от сложившихся в IV–III вв. до н.э. на основе этого рассказа стандартных представлений о Сесострисе (I. 53–58; 94. 4). Этот рассказ принадлежит новому этапу развития античной традиции о нем, который характеризуется появлением новых, неизвестных более ранним греческим авторам, источников сведений о легендарном египетском царе.

Новизна информации подчеркивается тем, что тот же персонаж выступает в рассказе Диодора под именем в несколько иной форме: *Σεσώωσις*. Эта форма, видимо, точнее передает произношение, по крайней мере произношение эллинистического времени, имени S-n Wstj – Sewōsje или Senwōsje. Более архаичная форма с *r*, которую передает транскрипция Геродота, могла существовать параллельно с этой формой – например, как книжная форма наряду с разговорной⁴². Однако в эллинистическом Египте она, видимо, уже исчезла. Во всяком случае, это имя, достаточно распространенное как личное, в папирусах (начиная с III в. до н.э.) всегда транскрибируется как *Σεσώωσις* или его варианты (*Σεσοώσις*, *Σεσώσις*, *Σεσοῶς*, *Σεσόος*, *Σεσῶς*)⁴³. Употребление этой формы свидетельствует о том, что рассказ Диодора не зависит от

³⁹ Laqueur R. *Nymphodoros*, 5 // RE. Bd XVII, 2. 1937. Sp. 1623–1625; FGrHist. Bd III b. 1955. S. 602.

⁴⁰ Указание, что Аполлоний Родосский называет царя Сесострисом (*Malaise*. Op. cit. P. 246), ошибочно.

⁴¹ Не исключено, что Аполлоний вдохновлялся здесь не Геродотом, а Гекатеем Абдерским, см. Murray O. *Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship* // JEA. 1970. 61. P. 168 (ср. ниже).

⁴² Ср. *Sethe*. *Der Name Sesostris*. S. 50–52; *Malaise*. Op. cit. P. 247–249.

⁴³ *Preisigke F.* *Namenbuch*, enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnamen, soweit sie in griechischen Urkunden (Papyri, Ostraka, Inschriften Mumienschil dern usw.) Ägyptens sich vorfinden. Heidelberg, 1922. S. 381; *Foraboschi D.* *Onomasticon alterum papyrologicum*. Supplemento al Namenbuch di F. Preisigke. Testi e documenti per lo studio dell'Antichità. 16. Milano – Varese, 1971. P. 292. Ср. CIG. III. 1853. P. 1197. Addenda 4716 d44.

геродотовской традиции и восходит к фольклорному источнику египетского или греко-египетского происхождения⁴⁴.

В тексте Диодора имеется и прямое указание на фольклорные источники. Приступая к рассказу о египетском царе, он замечает, что в сообщениях о нем между собой расходятся не только греческие писатели, но и египетские жрецы, и «те, кто славит его песнями» (οἱ διὰ τῆς ὥδης αὐτὸν ἐγκωμιάζοντες). Если указание на египетских жрецов является традиционной, скорее всего фиктивной, ссылкой всех греческих авторов на источник сведений о Египте, то упоминание славящих Сесоосиса песен совсем не традиционно и, видимо, указывает на реальные египетские, возможно, фольклорные источники⁴⁵. Вряд ли Диодор использовал их непосредственно. Хотя он посетил Египет и иногда ссылается на личные впечатления (I. 44. 1; 83. 9), эти впечатления достаточно поверхностны, а большую часть информации о Египте Диодор явно заимствовал у своих предшественников, один из которых скорее всего имел непосредственный доступ к египетскому фольклору. Возможно, песни, о которых говорит Диодор, принадлежали к тому же кругу литературы, что один из четырех гимнов, вырезанных на плитах ворот храма в Мединет Мади (Фаюм). Эти гимны были написаны в начале I в. до н.э. неким Исидором. Один из них воспевае легендарного египетского царя Ρογμαγανес, обычно отождествляемого с Аменофисом, и упоминает также его отца Σεσοῖσις⁴⁶. Интересно, что этот гимн, полностью основанный на египетской традиции и отражающий египетские представления о царской власти, в языке ориентируется на греческие поэтические образцы. Исидор явно старался подражать греческому эпосу, вставляя в свои гимны слова, а иногда и целые фразы, заимствованные, например, из Гомера. Очевидно, Исидор был египтянином, для которого греческий язык не был родным, но он овладел им достаточно хорошо и получил некоторое, видимо школьное, представление о греческой классической литературе⁴⁷.

Наиболее вероятно, что большая часть исторической информации первой книги Диодора заимствована из сочинения автора рубежа IV—III вв. до н.э. Гекатея Абдерского (географическая информация восходит в основном к Агатархиду Книдскому)⁴⁸, хотя, впрочем в этом нельзя быть совершенно уверенным⁴⁹. Возможно, что Диодор здесь пользовался и другими источниками⁵⁰. В любом случае ясно, что в основе его рассказа о Сесоосисе лежит сочинение некоего эллинистического автора, имевшего непосредственный доступ к египетскому фольклору⁵¹.

Об этом, как указывалось, свидетельствует уже форма имени легендарного египетского царя, которая не совпадает с традиционной формой «Сесострис», использовавшейся в греческой литературе начиная с Геродота, зато значительно точнее передает

⁴⁴ Ср. параллели между рассказом Диодора о Сесоосисе и некоторыми деталями египетских сказок и других литературных произведений («Почтение Аменемхета I его сыну Сенусерту I»), которые не были забыты в Египте до достаточно позднего времени: *Posener. Littérature et politique...* P. 55, 104, 141–144; *Malaise. Op. cit.* P. 258–261.

⁴⁵ Ср. реальные древнеегипетские стихи и песни, воспевающие фараонов, в том числе и Сенусерта III, одного из прототипов легендарного Сесостриса: *Erman. Die Literatur der Ägypten...* S. 179–182, 318–349.

⁴⁶ *Vanderlip. Op. cit.* P. 63–74.

⁴⁷ О языке и стиле гимнов см. *Ibid.* P. 97–102.

⁴⁸ См. *Schwartz E. Hekataeos von Teos // RhM. 1885. 40. S. 223–262; idem. Diodoros, 38 // RE. Bd V. 1. 1903. Sp. 669–672; Jacoby F. Hekataios aus Abdera // RE. Bd VII. 2. 1912. Sp. 2758–2766; FGrHist. Bd III a. 1940. S. 75–87; Murray. Op. cit. P. 141–171; Burton. Op. cit. P. 1–32.*

⁴⁹ Ср. убедительные возражения против предположения о заимствовании у Гекатея пассажей I. 7–8, 11–13; *Spörri W. Späthellenistische Berichte über Welt, Kultur und Götter. Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft. 9. Basel, 1959.*

⁵⁰ Ср. упоминания Эратосфена и Аполлодора Эфесского о завоеваниях Сесострисом эфиопов, троглодитов и арабов: *Strabo. XVI. 4. 4; 7.* Ср. также сообщение о том, что Сесострис основал культ Саралиса: *Athenodor. Tars. FGrHist. 746 F 4 = Clem. Alex. Protr. 4. 48, 4–6.* Все эти авторы употребляют традиционную в греческой литературе форму имени Σεσοῖσις.

⁵¹ О значении египетских источников для источника Диодора (Гекатея Абдерского) и его открытой и скрытой полемике с Геродотом см. *Murray. Op. cit.* P. 151 f.

реальное разговорное произношение этого имени в Египте. Весь рассказ о египетском царе, изложенный у Диодора, также носит явный отпечаток фольклорного происхождения. Некоторые эпизоды этого рассказа, фольклорные черты проявляются особенно явно, обнаруживают достаточно близкие параллели в рассказе Геродота о Сесострисе (спасение царя из огня, новелла о Дарии и мемфисском жреце), однако расхождения между ними настолько существенны, что здесь невозможно предполагать заимствование из Геродота⁵². Имеются и фольклорные рассказы, неизвестные Геродоту (воспитание Сесоосиса, сюжет, связанный с его дочерью Атиртис, его обыкновение запрягать в свою колесницу победленных царей, ср. Luc. Civ. X. 276–279, возможно, из того же источника). Скорее всего источник Диодора напрямую использовал египетский фольклор, откуда заимствовал не только форму имени египетского царя, но и новеллы, часть которых до того рассказывали Геродоту. Эти новеллы, как всегда бывает в фольклоре, существовали во множестве вариантов, иногда существенно отличающихся; неудивительно, что они стали известны Геродоту и источнику Диодора (Гекатею Абдерскому?) в разных версиях.

Что касается войны со скифами, то свидетельство Диодора, на первый взгляд, согласуется с геродотовским – Сесоосис покорил скифов. Однако это сообщение не зависит или зависит лишь отчасти от геродотовского. Рассказ о покорении скифов Сесоосисом значительно отличается от него и обнаруживает ряд черт, которые не позволяют датировать его раньше эпохи эллинизма. Геродотовский рассказ о завоеваниях Сесостриса, как уже отмечалось, строится по принципу – египетский царь завоевал те же самые земли, что персы, и прежде всего Дарий, плюс еще другие, а именно скифов. Рассказ о завоеваниях Сесоосиса у Диодора строится по тому же принципу, однако место Дария занимает более современный завоеватель, Александр Македонский. Сесоосис завоевал все те же земли в Азии, что и Александр Македонский, плюс те, которые ему покорить не удалось: он перешел Ганг (до которого Александр не дошел) и покорил всю Индию до Океана. Кроме того, он покорил скифов до р. Танаис, которая отделяет Европу от Азии⁵³. Таким образом, источник Диодора следует не мнению Геродота (IV. 45) о том, что границей Европы и Азии является Фасис, а идущему от Гекатея (FGrHist 1 F 208, 211–216, ср. Hippocr. De aeg. 13) и общепринятому в эллинистическую эпоху представлению, что такой границей являются Танаис и Меотида. Кроме того, если для Геродота скифы – предел завоеваний Сесостриса в Европе, то для Диодора завоевание скифов относится к подвигам Сесоосиса в Азии. Название «скифы» для обозначения азиатских кочевников также входит в широкое употребление лишь в эпоху после Александра. В повествовании Диодора к рассказу о покорении скифов добавлен рассказ о том, что колхи происходят от воинов Сесоосиса, оставленных на месте в ходе этого похода. Рассказ этот, видимо, литературного происхождения и скорее всего восходит к Геродоту (см. выше). Следует отметить, что его включение в изложение фольклорного сюжета предшественником Диодора или им самим, что кажется более вероятным (о происхож-

⁵² Вопреки О. Меррею (*Murray. Op. cit.* P. 162), который предполагает именно такое заимствование. В рассказе Диодора несомненно имеются и следы эллинистической рационализации, принадлежавшей его источнику, как отмечает О. Меррей, однако такая рационализация не может объяснить расхождения между двумя вариантами, а в эпизоде со спасением из огня как раз версия Геродота выглядит более рационализированной.

⁵³ Указание что Сесоосис не подчинил скифов (*Asheri D. Herodotus on Thracian Society and History // Hérodote et les peuples non grecs. Fondation Hardt, Entretiens sur l'Antiquité classique. 35. Vandoeuvres – Genève, 1990. P. 152*), ошибочно. Вряд ли можно предполагать, что создание образа Сесоосиса по модели образа Александра принадлежит Гекатею Абдерскому и связано с птолемеевской пропагандой (*Murray. Op. cit.* P. 163). Этому предположению противоречит подчеркивание превосходства Сесоосиса над Александром, чего вряд ли можно ожидать от официальной пропаганды Птолемея, сына Лага. Такая тенденция отражает египетскую точку зрения в тот момент, когда Александр рассматривался еще не как собственный герой (как это было позже), а царь завоевателей-македонцев, и вероятнее всего, уже существовала в египетском фольклоре раннептолемеевской эпохи, откуда и была заимствована источником Диодора.

дении колхов от египтян он говорит еще в другом месте – I. 28. 2) сделано достаточно неумело – колхи оказываются помещенными на Меотиде, что не имеет никаких соответствий ни в греческой литературе, ни в реальности. Такая локализация является, очевидно, следствием попытки совместить в одном рассказе два элемента различного происхождения. В то же время в обоих вариантах рассказа (у Геродота и Диодора) пределом завоеваний египетского царя в Европе считается Фракия – вероятнее всего, потому, что она была пределом завоеваний на севере как Дария (Фракия входила в официальный список покоренных Дарием стран), так и Александра. Наконец, имеется и еще одно совпадение, явно указывающее на сконструированность истории завоеваний диодоровского Сесоосиса именно по образцу Александра – завоевания обоих длились девять лет⁵⁴. Сесоосис, таким образом, сумел покорить большее число народов за то же время, что и Александр. Постоянное сопоставление в этом рассказе Сесоосиса с Александром не позволяет здесь предполагать простое совпадение, что само по себе было бы не исключено (цифра 9 лет является одним из стандартных обозначений промежутка времени в фольклоре). Сопоставление Сесоосиса с Александром при принижении последнего, очевидно, указывает на время создания соответствующих версий рассказов о египетском царе: это эпоха, непосредственно следующая за завоеваниями Александра. Как фольклорные повествования о Сесострисе были в свое время переосмыслены в духе патриотического лозунга «наш Сесострис более великий, чем Дарий», так теперь место Дария занял Александр, и новые версии формировались под влиянием идеи «наш Сесоосис более великий, чем Александр». Таким образом, рассказ Диодора (из Гекатея Абдерского?) о Сесоосисе отражает следующую стадию развития египетского фольклора по сравнению со стадией, зафиксированной Геродотом. При сохранении тех же сюжетов (в несколько разнящихся вариантах) и общего характера фольклорного персонажа, на новой стадии эти рассказы приобрели несколько иную тенденцию: антиперсидский мотив в них был вытеснен антимакедонским. В греческую литературу, таким образом, фольклорные рассказы о египетском царе оказались заимствованы дважды: первый раз – Геродотом, а второй – автором источника диодоровской первой книги, скорее всего Гекатеем Абдерским.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ. «РОМАН О СЕСОНХОСИСЕ»
И «РОМАН ОБ АЛЕКСАНДРЕ»

Позже в греческой литературе появляется новая форма имени легендарного египетского царя, *Σεσόχωσις*. Часто считается, что эта форма употребляется впервые Дикеархом, рассмотренные выше фрагменты сочинения которого сохранились в схолиях к Аполлонию Родосскому. Действительно, именно эта форма имени египетского царя имеется в основном источнике схолий к Аполлонию Родосскому, *cod. Laurentianus* XXXII. 9, хотя независимый от него (по крайней мере частично) *cod. Parisinus* 2727 содержит форму *Σεσόστρις*. Ф. Верли принимает чтение *cod. Laurentianus* как аутентичное, полагая, что *cod. Parisinus* искажает первоначальный текст⁵⁵. При этом он ссылается на сообщение схолиаста о том, что Феопомп называет этого царя Сесострисом, и его сообщению противопоставляется свидетельство Дикеарха. В действительности это не совсем так. Текст схолий следующий: *Σεσόχωσις Αἰγύπτου πάσης βασιλεὺς μετὰ Ὁρον τὸν Ἰσιδος καὶ Ὀσίριδος παῖδα τὴν μὲν Ἀσίαν ὀρμήσας πᾶσαν κατεστρέψατο, ὁμοίως καὶ τὰ πλείστα τῆς Εὐρώπης. ἀκριβέστερον δὲ ἔστι τὰ περὶ αὐτοῦ παρὰ Ἡρόδοτῳ. Θεόπομπος δὲ ἐν γ' Σέσωστριν αὐτὸν καλεῖ. Ἡρόδοτος δὲ προσετίθει ... Δικαιάρχος δὲ ἐν α' Ἑλλάδος βίου Σεσόχωσιν καὶ νόμους αὐτὸν θεῖναι λέγει, ὥστε μηδένα καταλιπεῖν τὴν πατρίαν τέχην ...* – «Сесонхосис, царь всего Египта после Гора, сына Исиды и Осириса, напад на Азию, покорил ее всю, также как и большую часть Европы. Наиболее точно о нем

⁵⁴ Ср. Pfister. Op. cit. S. 43 f.

⁵⁵ Wehrli F. Die Schule des Aristoteles. I. Dikaiarchos. Basel – Stuttgart, 1967². S. 59.

(рассказано) у Геродота. Феопомп же в третьей (книге) называет его Сесострисом. Геродот же добавляет .. (следует изложение рассказа Геродота о стелах Сесостриса – Herod. II. 102). Дикеарх же в первой (книге) "Жизни Эллады" (называет его) Сесонхосисом и говорит, что он установил закон, чтобы никто не бросал отцовское ремесло...». Как видим, мнение Феопомпа о форме имени египетского царя противопоставляется отнюдь не мнению Дикеарха, а Геродота, причем схолиаст считает, будто Геродот использовал форму «Сесонхосис». Благодаря тому, что текст Геродота сохранился, мы знаем, что схолиаст здесь ошибается. Относительно первоначальной формы имени египетского царя в изложении мнения Дикеарха, контекст здесь не дает никакой опоры – схолиаст просто сообщает эту форму, причем она, судя по контексту, может как совпадать с «геродотовской» (в интерпретации схолиаста), так и отличаться от нее. Таким образом, контекст не дает оснований для того, чтобы предпочесть вариант *cod. Laurentianus* или *Parisinus*. В любом случае искажение геродотовской формы имени египетского царя не позволяет полагаться на свидетельство схолиаста в этом отношении и для Дикеарха. С другой стороны, очевидно единство традиции Аристотеля и Дикеарха в их информации о египетском царе, что заставляет предполагать использование последним той же формы этого имени, которая надежно засвидетельствована текстами Аристотеля. Таким образом, свидетельство о том, что Дикеарх знал легендарного египетского царя под именем Σεσούχως скорее всего однозначно и объясняется позднейшими искажениями⁵⁶.

Далее, часто считается, что сама форма имени Σεσούχως, как и ее использование для обозначения легендарного царя, восходит к Манефону⁵⁷. С. Уэст, однако, отметил⁵⁸, что это имя (в форме Σεσοῦχως) как имя частного лица известно уже в одном из папирусов середины III в. до н.э. из архива Зенона⁵⁹. Засвидетельствовано оно и в более поздних папирусах⁶⁰. Таким образом, это имя действительно употреблялось в египетской среде и его невозможно объяснить как гибридную форму, возникшую из имен Σεσώσις и Σέσωυκς благодаря Манефону или другому автору и существовавшую лишь в литературе. Кроме того, Манефон, хотя и упоминает царя по имени Σεσούχως (FGrHist 609 F 2–3b, 30–31, 5 = Georg Syncell. 110, 112 (66, 9; 67, 9 Mosshammer); Euseb. Chron. Aem. 67, 6 Karst), вовсе не приписывает ему подвиги легендарного египетского царя. Он считает его первым царем XII династии (очевидно, речь идет о втором фараоне этой династии Сенусерте I, правившем ок. 1972–1928 гг. до н.э.)⁶¹. В то же время четвертому и пятому фараонам той же династии, носившим то же имя, у Манефона соответствует один Σέσωστρις. В дошедших до нас фрагментах Манефона именно этот царь, а вовсе не Σεσούχως, отождествляется с героем фольклорных сказаний и с Сесострисом Геродота. Здесь содержится по существу пересказ известия Геродота, хотя и дополненный некоторыми деталями, совпадающими с рассказом Диодора (в частности, длительность завоеваний в 9 лет). Трудно сказать, принадлежит ли этот фрагмент самому Манефону или же он был добавлен одним из поздних авторов, например Юлием Африканом⁶². Во всяком случае, Манефон явно не отождествлял своего Сесонхосиса с героическим царем египетского фольклора, хорошо известным в его время и в греческой литературе – он или умалчивал об этом персонаже, или отождествлял его с Сесострисом, внуком Сесонхосиса. Почему Манефон транскрибировал одно и то же египетское имя (S-n-Wsr) по-разному, не вполне ясно. Возможно, на появление формы Σεσούχως в его сочинении повлияла, с одной стороны, реальная распространенность этого имени в эллинистическом

⁵⁶ Ср. *Maspero*. Op. cit. P. 606–607; *Murray*. Op. cit. P. 170 f.

⁵⁷ *Kees*. *Sesonchosis* // RE. z.R. Bd II. 2. 1923. Sp. 1855; *Obsomer*. Op. cit. P. 36.

⁵⁸ *West S.* 3319. Addendum to 2466: *Sesonchosis Romance* // P. Oxy. XLVII. 1980. P. 12. Not. 1.

⁵⁹ P. Cairo Zen. 3. 59491. 19–20, 24–25. Ср. P. Cairo Zen. 2. 59173, 13, 34: Σεσοῦγ[ῶσις], Σεσοῦγ[ῶσις] (благодарю В.А. Головину за эту ссылку).

⁶⁰ См. *Preisigke*. Op. cit. S. 381 (Σεσονγῶσις); *Foraboschi*. Op. cit. P. 292.

⁶¹ *Simpson W.K.* *Sesostris I* // LÄ. Bd. V. 1984. S. 890–899.

⁶² Изложение различных точек зрения см. *Obsomer*. Op. cit. P. 49–51.

Египте, а с другой – стремление сделать одноименных египетских царей легче различимыми путем различной транскрипции их имен: практика, которая известна у Манефона и в других случаях⁶³. На транскрипцию имени во втором случае в форме *Σέσωστρίς* должна была влиять и греческая традиция о египетском царе с таким именем, с которой Манефон не мог быть незнаком. Упоминание царя с тем же именем (*Σεσούχωσις*: Georg. Syncell. 139 (83, 20 Mosshammer); Sesonchosis: Hieronym. 79 b; Sesonchosis: Euseb. Arm. 68, 28 Karst) как основателя XXII династии – явно результат ошибки Евсевия. В передаче Юлия Африкана (Georg. Syncell. 137 (82, 14 Mosshammer)) на этом месте стоит имя *Σέσωυχις*, достаточно точная транскрипция реального имени основателя этой династии фараона Шешонка (*Ššnq*, ок. 945–924 гг. до н.э.; известно еще четыре более поздних фараона с тем же именем⁶⁴). Это имя, кроме того, было распространено и в Египте эллинистической и римской эпохи (*Σεσβικίς*, *Σεσβυχις*: II в. до н.э. – II в. н.э.)⁶⁵.

Именем *Σεσούχωσις* легендарный египетский царь именуется только в псевдокаллисфеновом «Романе об Александре», написанном, видимо, в конце III в. н.э.⁶⁶, и в так называемом «Романе о Сесонхосисе», известном по трем папирусным фрагментам III в. н.э. (P. Oxy. 1826, 2466, 3319)⁶⁷. Судя по этим фрагментам, которые все относятся к юности царя, в романе существенную роль играло повествование о его военных подвигах, однако один из фрагментов позволяет предположить, что в нем присутствовала и характерная для греческого романа любовная интрига⁶⁸. В псевдокаллисфеновом «Романе об Александре», автор которого, а также и автор его основного источника, видимо, происходили из Александрии, Сесонхосис многократно упоминается как *κοροκράτωρ* и предшественник Александра, который именуется «новым Сесонхосисом» (34, 15–16; 37, 25; 109, 8; 123, 12–14; 145, 20 Kroll). Это, очевидно, свидетельствует о достаточно широкой популярности «Романа о Сесонхосисе» в греко-египетской среде в первые века нашей эры. Вполне вероятно, что именно им в значительной мере вдохновлялся и сочинитель «Романа об Александре»⁶⁹. Оба романа фиксируют дальнейшее развитие фольклорного образа великого египетского царя. Очевидно, в народной среде позднеэллинистического и римского Египта, к которой они восходят, его противопоставление Александру Македонскому было уже не актуально. Напротив, образы двух великих завоевателей прошлого стали все более сближаться, пока Александр не превратился в «нового Сесонхосиса». Египетский патриотизм на этой стадии выражался уже не в противопоставлении своего древнего царя современному чужеземному, а в «присвоении» Александра, которому приписывалось египет-

⁶³ Cp. *Sethe*. Der Name Sesostri. S. 51.

⁶⁴ *Kitchen K.A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.). Warminster, 1973. P. 72–76, 85–136, 287–354; *Bierbrier M.L.* Scheschonq I. – V. // *LÄ*. Bd. V. 1984. S. 585 f.

⁶⁵ *Preisigke*. Op. cit. S. 381; *Foraboschi*. Op. cit. P. 292.

⁶⁶ *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexander-Romans. *Zetemata*. 9. München, 1977². S. 90 f. Cp. *Lloyd*. Nationalist Propaganda... P. 46–50; *Stoneman R.* The Metamorphoses of the *Alexander Romance* // *The Novel in the Ancient World* / Ed. G. Schmeling. *Mnemosyne*. Suppl. 159. Leiden – New York – Köln, 1996. P. 601–612, c литературой.

⁶⁷ *West S.* The Sesonchosis Romance // *Erotica Antiqua*. Acta of the International Conference on the Ancient Novel. Bangor, 1977. P. 47–49; *Luppe W.* Das neue Bruchstück aus dem Sesonchosis-Roman // *ZPE*. 1981. 41. S. 63–66; *O'Sullivan J.N.*, *Beck W.A.* P. Oxy. 3319: The Sesonchosis Romance // *ZPE*. 1982. 45. P. 71–83; *O'Sullivan J.N.* The Sesonchosis Romance // *ZPE*. 1984. 56. P. 39–42; *Ruiz-Montero C.* P. Oxy. 2466: The Sesonchosis Romance // *ZPE*. 1989. 79. P. 51–57; *Ancient Greek Novels*. P. 246–266.

⁶⁸ Любовные интриги не были, однако, чужды и египетской демотической литературе. Ср. аналогичную комбинацию любовной истории с повествованием о военных подвигах героя, например, в «романе» о Петухоне, совершившем поход в Ассирию и Индию (Hntw). История его любви с царицей амазонок *Srpt* играет важную роль в этом повествовании. Текст см. *Vollen A.* Ägypten und Amazonen. Eine demotische Erzählung des Inaros-Petubastis-Kreises aus zwei Papyri der Österreichischen Nationalbibliothek (Pap. Dem. Vindob. 6165 und 6165 A). *Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek*. 6. Wien, 1962.

⁶⁹ *Braun*. Op. cit. P. 41 f; *Pfister*. Op. cit. S. 41–51; *Merkelbach*. Op. cit. S. 47.

ское происхождение⁷⁰ и которого также уже воспринимали как царя древнего. Таким образом, и Александр, и Сесонхосис в равной мере превратились в воплощение славного прошлого Египта.

О том, что образ Сесостриса продолжал использоваться в греко-египетской патриотической пропаганде еще в I в. н.э., свидетельствует полемика Иосифа Флавия с Апионом, автором *Aegyptiaca*, возглавлявшим одно время антииудейскую партию в Александрии. Высмеивая один из тезисов Апиона, который доказывал превосходство египтян над евреями, Иосиф Флавий говорит, что, ссылаясь на несчастья иудеев, тот не замечает несчастья самих египтян. При этом он иронически замечает, что Апиона положительно ослепил «мифический царь Египта Сесострис» (Contr. Ap. II. 132): *Σέσωστρις αὐτὸν ὁ μπευόμενος Αἰγύπτου βασιλεὺς ἐτύφλωσεν*. Видимо, здесь содержится намек на содержание сочинения Апиона, превозносившего величие Египта. Заодно Иосиф ставит под сомнение не только рассказ своего оппонента, но и само существование персонажа, бывшего воплощением египетской «национальной гордости»⁷¹. В «Иудейских древностях» (VIII. 253–262) он также отвергает существование Сесостриса, очевидно, потому, что тот не упоминается в Библии, и утверждает, что Геродот по ошибке приписал ему деяния египетского царя Шешонка (*Σούσακος, Ἰσωκος, Ἰσακος, Sisoch Lat.*), о которых говорится в Библии (*שִׁשְׁכִּי / שִׁשְׁכִּי Σουσακείμ LXX: Reg. 1. 11. 40; 14. 25; II Ch. 12. 2. 5. 9*). В самом деле, Иосиф (VIII. 260) дополняет пересказ Священного писания заимствованными у Геродота деталями. О той же египетской «национальной пропаганде» свидетельствует и рассказ Тацита (Ann. II. 60. 3–4), согласно которому Германику в Фивах показывали древнеегипетскую надпись и под видом ее перевода излагали обычные рассказы о завоеваниях египетского царя (он де захватил Ливию, Эфиопию, Мидию, Персию, Бактрию, Скифию, Малую Азию и т.д.), приписывая их, правда, не Сесострису, а Рамсесу. При этом рассказчик не преминул отметить, что мощь египетского царя не уступала мощи парфян и римлян. Нечего и говорить, что было бы тщетно искать что-либо подобное в подлинных древнеегипетских надписях в Фивах или где-нибудь еще. Впрочем, возможно, в Египте действительно существовали надписи подобного содержания, составленные в ахеменидское или эллинистическое время с теми же пропагандистскими целями. Так, например, в знаменитой «Стеле Бентреша», открытой в Карнаке⁷², одним из главных действующих лиц является правитель страны Bekhten, плативший дань Рамсесу II. Отождествление этой страны, расположенной, согласно надписи, в 17-ти месяцах пути к востоку от Египта, остается неясным, хотя возможно, что это искаженное название Бактрии (др.-перс. *Baxtri*, вавил. *Wa-ah-tar*)⁷³. Надпись, содержащая легенду об излечении одержимой принцессы этой страны, составлена около IV–III вв. до н.э., однако ее авторы пытались выдать текст за подлинный документ эпохи Рамсеса II, включив в нее, например, подлинную царскую титулатуру (правда, по ошибке не Рамсеса II, а Тутмоса IV) и некоторые другие детали этого времени. Таким образом, египетская «национальная пропаганда» вплоть до эллинистического времени могла существовать не только в виде устных рассказов о величии древних египетских царей, но и в виде фальсифицированных надписей, приписывающихся этим царям и доказывавших их величие.

⁷⁰ «Присвоение» чужеземного завоевателя не было новым в египетской «национальной пропаганде». Уже Геродоту (III. 2) были известны рассказы о том, что завоеватель Египта Камбис был полуегиптянином – сыном Кира от египетской принцессы. Ср. *Pfister*. Op. cit. S. 39 f.

⁷¹ Ср. *Braun*. Op. cit. P. 14.

⁷² *Pritchard J.B.* Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Princeton, 1969³. P. 29–31 (перевод и комментарий), специальное исследование см. *Erman A.* Die Benteschstele // ZÄS. 1883. 21. S. 54–60; *Posener*. A propos de la stèle... P. 75–81. О «египетском национализме» в эллинистическое и римское время см. специально: *Milne J.G.* Egyptian Nationalism under Greek and Roman Rule // JEA. 1928. 14. P. 226–234; *Lloyd*. Nationalist Propaganda... P. 33–55.

⁷³ *Wit C. de.* Le Pays de Bakhtan dans la stèle de Bentresh // ПАГКАРΠΕΙΑ. Mélanges Henri Grégoire. IV. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles, 1953. 12. P. 122–132.

Что касается формы имени египетского фараона в «Романе об Александре», то, очевидно, в позднее время (возможно, в грекоязычной среде) его более раннее наименование «Сесоосис» оказалось вытеснено созвучным «Сесонхосис». Вряд ли ученое сочинение Манефона играло здесь какую-то роль – для самого Манефона или во всяком случае для его читателей великий завоеватель древности продолжал называться Сесострисом. В отличие от двух названных имен, форма «Сесострис», закрепившаяся в греческой литературе скорее всего благодаря Геродоту, вряд ли когда-нибудь вообще употреблялась в греко-египетском фольклоре – это имя, в отличие от двух названных, было чуждо народной среде греко-римского Египта.

«ПРОСКИФСКАЯ» ТРАДИЦИЯ. ПОМПЕЙ ТРОГ, АРРИАН,
МЕГАСФЕН И ИХ ИСТОЧНИКИ

Наряду с этими «проегипетскими» традициями о Сесострисе, восходящими в конце концов к греко-египетскому фольклору, в античной литературе прослеживается традиция с противоположной тенденцией, сообщающая в поражении египетского царя от скифов.

В наиболее полной форме она представлена, вероятно, в сочинении Помпея Трога (fr. 36 a–b Seel = Iord. Get. 6; Iust. I. 1. 6; II. 3. 8–18). Он рассказывает о том, что египетский царь Vezosis объявил скифам войну, поскольку хотел их подчинить. Однако в битве у Фасиса он потерпел поражение и был вынужден бежать в Египет, бросив свое войско. Скифы, царем которых был Тапаус, стали преследовать его, но захватить Египет им помешали болота (Iust. II. 3. 14) или построенные египетским царем против набегов эфиопов (?) укрепления (Iord. Get. 6). На обратном пути скифы покорили Азию и заставили ее платить себе дань (по Иордану, они подчинили Азию своему другу, мидийскому царю Сорну). При этом они пребывали в Азии 15 лет и вернулись обратно после того, как оставшиеся дома скифские женщины пригрозили им, что если они немедленно не вернуться, то те заведут детей от соседей. Часть скифов, однако, осталась в Азии, и от них произошли парфяне и бактрийцы (по Иордану; о скифском происхождении парфян ср. также fr. 157 Seel = Iust. XLI. 1. 1–2). После этого похода Азия платила скифам дань в течение 1500 лет, пока ассирийский царь Нин не прекратил выплаты. Все эти события, таким образом, относятся к глубочайшей древности – за 1500 лет до правления первого ассирийского царя Нина (Iust. I. 1. 6–7; II. 3. 8–18).

Соответствующий рассказ Помпея Трога известен не только в сокращении Юстина, но и в независимом от него переложении Иордана: его главный источник Кассиодор пользовался, судя по всему, самим трудом Помпея Трога, а не эпитомой Юстина⁷⁴. Напротив, Орозий в пересказе событий, связанных со скифами, очевидно, пользовался именно сокращением Юстина, которому он следует почти дословно (Adv. pag. I. 14–15), изменяя лишь даты, которые заимствует в основном у Иеронима (Евсевия). Так, он отказывается от юстиновской (троговской) датировки Везосиса и его войны со скифами временем до Нина – очевидно, потому, что нигде больше не нашел упоминаний о таком царе, а Нин всеми единодушно считался первым царем Азии. Кроме того, при датировке этих событий временем за 1500 лет до Нина, как это делает Юстин, оказалось бы, что они относятся еще к допотопному времени, поскольку Иероним, а вслед за ним принимавший его датировки Орозий, относили потоп ко времени только за 942 года до Авраама и соответственно Нина (332 F). Последнего он, в соответствии с датировкой Евсевия, относит ко времени за 1300 лет до основания Рима (Oros, Adv. pag. I. 4. 1). Такое изменение датировок ведет за собой и существенные содержательные изменения. Орозий не только опускает сообщение о том, что Азия платила скифам дань в течение 1500 лет, но и датирует неудачный поход Везосиса и последовавшее нашествие скифов за 480 лет до основания Рима. Видимо,

⁷⁴ Seel O. Die Praefatio des Pompeius Trogus. Erlanger Forschungen. A, 3. Erlangen, 1955. S. 10–14.

причиной такой датировки была датировка у Евсевия – Иеронима похода амазонок на Афины 807 (армянская версия Евсевия) или 809 (Иероним) годом Авраама, т.е. примерно за 450 лет до основания Рима. Поскольку этот поход произошел, когда царицами были дочери первых цариц амазонок, то появление амазонок и связанные с этим в рассказе Помпея Трога события (убийство их мужей скифов, а перед тем второе скифское нашествие, см. *Iust.* II. 4. 1–33) должны датироваться одним поколением (т.е. примерно 30 годами) раньше. Орозий, таким образом, хронологически объединил два разных похода скифов (сознательно или по ошибке меняя текст Юстина), которые, по мнению Помпея Трога, были разделены многими столетиями. Правда, при этом он не стал перерабатывать текст Юстина, чтобы придать связность своему рассказу, и воспроизвел его почти дословно. В результате такого сокращения в тексте появилась нелепость – машинально скопированные у Юстина слова *medio tempore* (I. 15. 1), которые имели смысл при датировке, даваемой Юстином, потеряли его у Орозия, когда датировка была опущена⁷⁵.

Имя фигурирующего в рассказе Помпея Трога египетского царя *Vezosis* / *Vesosis* (*Vesosis*: *Iord. Get.* 6, *Vezosis*: *Iust.*, с вариантами в рукописях: *Vezeoris*, *Vizosis*, *Vexosis*, *Vesois*, *Vesore*, *Vizores*, *Vexossis*⁷⁶), как справедливо заметил еще А. фон Гутшмид, является искажением одной из форм имени легендарного египетского царя Сесостриса. Очевидно, еще Помпей Трог ошибочно прочел в своем источнике **ΘΕΣΩΣΙΣ** вместо **ΣΕΣΩΣΙΣ**. Аналогичным образом объясняется и имя скифского царя *Tanausis* (*Iord. Get.*) / *Tanaus* (*Iust.*) – это, видимо, также неправильное чтение: **ΤΑΝΑΥΣΙΣ** вместо **ΙΑΝΑΥΣΙΣ**⁷⁷. Возникновение второго искажения облегчилось, вероятно, ассоциацией с названием северопонтийской р. Танаис⁷⁸.

Что касается датировки Везосиса – Сесостриса у Помпея Трога, то она не соответствует ни геродотовской традиции (по Геродоту он – примерно современник Миноса, живший за два поколения до Троянской войны), ни хронологии, идущей от Манефона через Африкана к Евсевию. Согласно последней, Нин синхронизируется с началом XVI египетской династии, а Сесострис, относящийся к XII династии, хотя и датируется раньше его, но не на 1500, а примерно на 950 лет. Датировка Помпея Трога, однако, весьма близка датировке Дикеарха⁷⁹ (за 2500 лет до взятия Трои и за 2943 года до первой Олимпиады, учитывая, что Троя была взята в 7-й год правления Нила). По хронологии Помпея Трога, владычество мидийцев до победы над ними Кира (дата хронографов: первый год LV Олимпиады, т.е. 560 г. до н.э.) продолжалось 350 лет (*Iust.* I. 6. 17), предшествовавшее ему владычество ассирийцев – 1300 лет (I. 2. 13; 3. 6), т.е. Нин, первый ассирийский царь, подчинивший Азию, правил за 1650 лет до Кира и за 1434 лет до первой Олимпиады. Правление Везосиса – Сесостриса по Помпею Трогу датируется, следовательно, за 2934 года до первой Олимпиады, т.е. расходится с датировкой Дикеарха всего на 9 лет. Возможно, эта разница объясняется различием между началом и концом завоеваний Сесостриса, которые, по Диодору, длились 9 лет. Использование Помпеем Трогом или его источником сочинения, лежащего в основе рассказа Диодора, проявляется и в некоторых других деталях (см. ниже), в частности, видимо, из него происходит форма имени египетского царя

⁷⁵ *Orose. Histoires (Contre les Païens) / Texte établi et traduit par M.-P. Arnaud-Lindet. T. I. P., 1990. P. XXVII, 63.* Издатель считает изменение юстиновской даты результатом ошибки; на мой взгляд речь идет о сознательной переработке, целью которой было привести сообщаемые им сведения в соответствии со Священным писанием и разработанной на его основе хронологией Евсевия – Иеронима.

⁷⁶ *Pompei Trogi Fragmenta / Collegit O. Seel. Lipsiae, 1956. P. 41; M. Iuniani Iustini Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi / Ed. O. Seel. Stuttgartiae, 1985. P. 3.*

⁷⁷ *Gutschmid A. von. Die beiden ersten Bücher des Pompejus Trogus // Kleine Schriften. Bd V. Lpz, 1894. S. 27.*

⁷⁸ Ср. *Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran // Philologus. 1895. 54. S. 516*, где предполагается, что речь идет о сознательном изменении имени по аналогии с гидронимом.

⁷⁹ Ср. *Gutschmid. Op. cit. S. 100 f.*

«Сесоосис», искаженная у Помпея Трога в «Везосис». Таким образом, автор источника Помпея Трога использовал, кроме прочих данных, и хронологические конструкции ранних перипатетиков, в частности Дикеарха, и именно на них основывается абсолютная датировка скифо-египетской войны в его сочинении.

Очевидно, той же традиции следовал и Арриан в своих «Парфика». Соответствующее место его сочинения сохранилось в весьма скудном пересказе Фотия (FGrHist 156 F 30 = Parth. Fr. 1, 3 Roos = Phot. Bibl. 58, 17b): Παρθοῦς δὲ φησὶν ἐπὶ Σεσώστριδος τοῦ Αἰγυπτίων βασιλέως καὶ Ἰανδύσου τοῦ Σκυθῶν ἀπὸ τῆς σφῶν χώρας Σκυθίας εἰς τὴν ἑὴν μετακίῃσαι – «(Арриан) говорит, что при Сесострисе, царе египтян, и Иандисе, (царе) скифов, парфяне переселились из своей страны Скифии в нынешнюю страну». Единство источника в данном случае подтверждается сходной формой имени скифского царя, победителя Сесостриса – Везосиса: как уже указывалось, Тапаусис у Трога – скорее всего искажение именно формы Ἰανδύσιος, которая в источниках более не встречается. В то же время между Помпеем Трогом и Аррианом имеется расхождение в имени египетского царя: форма этого имени у первого согласуется с диодоровской, тогда как у второго использована стандартная форма «Сесострис». Вероятно, во втором случае эта форма нормализована в соответствии с общепринятой в греческой литературе.

Общий источник Арриана и Помпея Трога не может датироваться раньше, чем конец III в. до н.э., поскольку в его рассказе, очевидно, существенное значение имеет возведение к скифам парфян, причем имеются специальные указания на то, что они создали собственное царство (Iust. II. 1. 3; 3. 6). В то же время вторжение парнов в Парфию, последовавшее затем отделение Парфии и Бактрии от державы Селевкидов и создание державы Аршакидов приходится, видимо, на правление Селевка II (246–226 гг. до н.э.). Говорить о мощном царстве парфян и интересоваться их происхождением эллинистические авторы начали, очевидно, не раньше II в. до н.э. Что касается бактрийцев, которые упоминаются у Помпея Трога вместе с парфянами, то о создании собственного царства бактрийцев на развалинах Греко-бактрийского царства можно говорить примерно с рубежа II–I вв. до н.э. (впрочем, возможно, что упоминая царство бактрийцев, Помпей Трог имеет в виду именно Греко-бактрийское царство, ср. Iust. XLI. 6). Однако датировать источник Помпея Трога позже этого времени совсем не обязательно – вполне возможно, что он в данном случае сам модернизировал его сведения, добавив бактрийцев в тех случаях, когда источник говорил лишь о парфянах, для вящей славы скифов и их потомков. Датировка источника Арриана и Помпея Трога не ранее II в. до н.э. не означает, однако, что и традиция о победе скифов над Сесострисом должна относиться к тому же времени. По всей вероятности, автор этого сочинения связал с парфянами уже известную ему традицию о могуществе скифов и в частности об их победе над египтянами.

Подтверждением этого является тот факт, что данная традиция в какой-то форме была известна уже Мегасфену. В сохранившихся изложениях фрагмента его сочинения, который относится к этим событиям, нет, правда, прямого указания на войну египтян и скифов. Данный фрагмент (FGrHist 715 F 11) сохранился в двух очень близких вариантах у Страбона (XV. 1. 6) и Арриана (Ind. 5. 4–7). Мегасфен здесь утверждает, что до Александра никто из чужеземцев, кроме Диониса и Геракла, не совершал походов в Индию. Затем перечисляются древние завоеватели, которые покоряли разные территории, но не Индию. Арриан называет египтянина Сесостриса, скифа Идантиса и ассириянку Семирамиду. Страбон прибавляет к ним эфиопа Тахарку и халдея Навуходносора (Ναβουχοδρσορος). О Сесострисе сообщается, что он покорил большую часть Азии и напал на Европу, но вернулся вспять, после чего непосредственно следует сообщение о том, что скиф Идантис, отправившись из Скифии, покорил многие народы Азии и дошел до Египта. Дальше идет рассказ о Семирамиде, что свидетельствует, вероятно, о том, что Мегасфен помещал соответствующие события раньше ее правления, как и Помпей Трог. Несмотря на то что прямое указание на причинно-следственную связь между походами Сесостриса и

Идантиса отсутствует, можно предполагать, что в оригинале она имелась⁸⁰. Об этом как будто говорит указание Страбона, согласно которому Сесострис дошел «до Фракии и Понта» при отсутствии упоминания Скифии среди покоренных им территорий. Кроме того, Идантис – Иандис как вождь скифского похода в Азию известен лишь в связи с Сесострисом, а в двух более поздних походах скифских царей звали по-другому. В этом фрагменте, однако, не обязательно усматривать полемику с известным из Диодора рассказом о завоевании Сесострисом Индии, хотя это и не исключено. Однако в дошедшей до нас форме фрагмент не дает оснований утверждать, будто Мегасфен вел такую полемику – вполне вероятно, что он просто перечисляет великих завоевателей доалександровской эпохи, отмечая, что никто из них не завоевывал Индию. В этом отношении характерно упоминание здесь Кира – традиция о завоевании им Индии отсутствует, так что полемизировать в данном случае Мегасфену было не с чем.

Несмотря на то что связь Мегасфена с рассматриваемой традицией более чем вероятно, вряд ли он был источником Помпея Трога и Арриана о скифо-египетской войне⁸¹. Против этого свидетельствуют отличия формы имен как египетского, так и скифского царей, хотя в этих случаях, несомненно, подразумеваются одни и те же персонажи. Кроме того, вряд ли Мегасфена специально интересовало изложение скифской праистории – он упоминает разных завоевателей похода, в связи со своим утверждением о том, что индийцы до Александра ни с кем не воевали.

Итак, можно считать, что в основе сообщений Помпея Трога и Арриана лежит некий позднеллинистический автор, относящийся ко времени не раньше II в. до н.э. Ему уже была известна традиция о войне Сесостриса со скифским царем Идантисом и о походе последнего до границ Египта, которую знал также Мегасфен. Эту традицию он скомбинировал со сведениями о скифском происхождении парфян и бактрийцев, создав им тем самым легендарную праисторию, что вполне соответствует духу эллинистической учености. По-видимому, этому автору было известно также сочинение, легшее в основу первой книги Диодора (Гекатей Абдерский?), где излагалась история походов Сесоосиса. Он использовал содержащиеся там сведения, заменив «проегипетскую» тенденцию этого сочинения «проскифской» (теперь соответственно и пропарфянской), которая уже содержалась в традиции о победе Идантиса над египтянами. Вероятно, именно отсюда происходит экзотическая форма имени египетского фараона, встречающаяся в античной литературе крайне редко. Кроме названных авторов она засвидетельствована еще у Плиния (Plin. NH. XXXVI. 74)⁸². В соответствующем пассаже он перечисляет египетские обелиски, установленные в Риме и среди них называет обелиск *Nencoreus Sesosidis filius* (видимо, Аменемхет Небкауре, сын Сенусерта I)⁸³. Возможно, тот же Сенусерт упоминается несколько выше (XXXVI. 65) под именем *Sesothos* как создатель четырех обелисков в Гелиополе. Эти сообщения явно происходят из независимого хорошо осведомленного источника. Точность передачи имен египетских фараонов (включая и принятую в эллинистическом и римском Египте форму транскрипции имени Сенусерта) свидетельствует о

⁸⁰ И. Маркварт (*Marquart*. Op. cit. S. 516) отрицает наличие такой связи, указывая, что по Мегасфену Сесострис завоевал всю Азию. Скифы, однако, для Помпея Трога, как и для многих других авторов, начиная с Геродота – обитатели Европы, так что никакого противоречия здесь нет.

⁸¹ Вопреки Д. Ашеру (*Asheri* Op. cit. P. 51), который предполагает также, что возникновение этой традиции связано со скифским походом в Азию VII в. до н.э. Это предположение в высшей степени невероятно.

⁸² Ср. еще упоминание царя с тем же именем у Тацита (*Ann.* VI. 28), где сообщается о появлении в Египте птицы Феникс в 34 г. (консулат Павла Фабия и Л. Вителлия). Птица, по сообщению Тацита, должна появляться с перерывами в 500 лет, согласно мнению одних, или в 1461 год, согласно мнению других. Перед тем она появлялась в правления Птолемея III (247–221 гг. до н.э.), что, правда, многими отрицается, Амасиса (около 568–525 гг. до н.э.) и Сесосиса. Источник сообщения не ясен.

⁸³ Ср. *Helck W.* Untersuchungen zu Manetho und den Ägyptischen Königsnamen. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens. 18. B., 1956. S. 36.

том, что источник сообщения Плиния владел египетским языком – скорее всего речь идет просто о передаче египетской надписи на обелиске. О том же свидетельствует и отсутствие каких-либо сведений исторического или фольклорного характера об упоминаемом царе. Вероятно, сообщение Плиния никак не связано ни с греческой литературой, ни с греко-египетским фольклором и восходит непосредственно к некому знатку египетской письменности.

Видимо, из того же общего источника Помпея Трога и Арриана происходит и пространный пассаж, касающийся спора о том, какой из народов древнейший – египтяне или скифы (Iust. II. 1). Здесь сначала излагаются соображения в пользу древности египтян, затем – в пользу древности скифов, и последним отдается предпочтение. Аргументы в пользу большей древности скифов по сравнению с египтянами приводит также Иоанн Лид (Io. Lud. De mens. III. 1), причем один из них сходен с приведенным Трогом: воды Средиземного моря происходят из Скифии («из гиперборейского Океана»). Непосредственно затем следует сообщение о происхождении парфян от скифов с прямой ссылкой на Арриана (FGrHist 156 F 32). Вряд ли можно сомневаться, что весь этот пассаж заимствован Иоанном Лидом именно у Арриана (не обязательно непосредственно), хотя, конечно, и подвергся существенной переработке⁸⁴. Следовательно, пассаж, излагающий дискуссию о старшинстве египтян и скифов, был известен не только Помпею Трогу, но и Арриану, и имелся в их общем источнике. Философские и физические аргументы этого пассажа и само его построение достаточно характерны для эллинистической учености и риторики. Он обнаруживает, например, явное сходство с рассуждениями о возникновении жизни в Египте или Эфиопии, изложенными у Диодора (I. 7–10; III. 2. 1–2)⁸⁵.

Вторую главу второй книги Помпея Трога занимает рассказ об обычаях скифов, которому предшествует определение географического положения Скифии. Согласно этому тексту, она растянута на восток и ограничена с одной стороны Понтом, с другой – Рипейскими горами, а «со спины» (a tergo) – Азией и р. Фасис. Таким образом, Скифия помещается в Европе, а границей между Европой и Азией считается Фасис. Это же географическое представление отражено и далее – скифы нападают на Везосиса на своей границе, на р. Фасис. Это определение границы между Европой и Азией существенно для определения источников троговского рассказа, поскольку она принадлежит ограниченному кругу авторов раннего времени. Границу между Европой и Азией по Фасису проводит Геродот (IV. 45) и Эсхил (fr. 191 Nauck, ср. Plato Phaed. 109 b), однако в эллинистическое время это представление, очевидно, полностью вытесняется предложенным еще Гекатеом Милетским определением границы по Танаису и Меотиде (ср. Agathemer. 1. 3 = GGM II. 472).

Затем следует идеализированное описание быта скифов-кочевников. Они не возделывают землю, а кочуют со своим скотом, живя в повозках, в которых перевозят жен и детей. Они презирают золото и серебро, питаются молоком и медом; они не знают пороков и среди них торжествует справедливость, основанная на скромном образе жизни и отсутствии зависти к другим. Благодаря своему суровому образу жизни скифы непобедимы. Остаются скифы верными себе и позже: покорив Азию, они обкладывают ее лишь умеренной данью, которая служит знаком их превосходства, а не платой за победу (modico tributo magis in titulum imperii quam in victoria praemium iposito – Iust. II. 3. 15), или даже вовсе отказываются от этой дани в пользу дружественного мидийского царя (Iord. Get. 6). Это описание скифских нравов находится

⁸⁴ См. подробно: Wittig C. Quaestiones Lydianae. Diss. Regimonti, 1910. P. 18–25.

⁸⁵ О рассуждениях этого рода см. Gutschmid. Op. cit. S. 78 f.; Spörri. Späthellenistische Berichte... S. 209 f., passim; Spörri W. Zu Diodor von Sizilien I, 7/8 // Museum Helveticum. 1961. 18. S. 63–82; Poseidonios. Die Fragmente / Hrsq. W. Theiler. Bd II. Erläuterungen. Texte und Kommentare. 10, 2. B. – N.Y., 1982. S. 183–185. Ср. Marquart. Op. cit. S. 517–519, где отмечены параллели между текстами Помпея Трога и Диодора. Этих параллелей, однако, совершенно недостаточно, чтобы говорить о единстве источника, как то делает автор. Крайне сомнительно и предположение, что соответствующие пассажи Диодора, а тем более его рассказ о Сесоосисе, заимствованы у Агатархида.

полностью в рамках идеализирующей скифов традиции, основоположником которой был Эфор. По-видимому, именно к нему в конечном итоге и восходит данный пассаж. В самом деле, описание быта скифов у Помпея Трога – Юстина обнаруживает множество общих черт с описанием идеальных скифов у Эфора (FGrHist 70 F 42 = Strabo. VII. 3. 9; FGrHist 90 F 104 = Io. Stob. Anth. III. 1. 200; FGrHist 70 F 158 = Ps.-Scymn. 850–857 = Anon. Peripl. Pont. Eux. 49). Эфоровские скифы справедливы, живут на повозках, не пользуются деньгами, все, включая жен и детей, имеют в общей собственности, питаются молоком и сыром. Благодаря своему образу жизни они непобедимы, и никто не мог их покорить. Оба описания скифов практически совпадают.

Не противоречит этому предположению и то, что мы знаем о географических представлениях Эфора. Прямых сведений о том, считал ли Эфор границей Европы и Азии Фасис, не сохранилось, однако косвенные данные позволяют сделать такое заключение. Как известно, Эфор в своем описании Скифии широко пользуется данными Геродота (см. выше), хотя часто их видоизменяет. Так, он по-иному, чем Геродот, использует термин *Σκύθαι*. Если для Геродота скифы – лишь народ, обитающий в «скифском квадрате», ограниченном с востока Танаисом и Меотидой, а с севера – землей агафирсов (Herod. IV. 100), то Эфор включает в число скифов и геродотовских андрофагов, живущих далеко к северу, и савроматов, отделенных от скифов Танаисом (Strabo. VII. 3. 9; ср. Ps.-Scymn. 348–864). В то же время описание всех этих скифов, включая и савроматов, живущих за Танаисом, дается в четвертой книге («Европа») его «Истории». Таким образом, Танаис для Эфора – не граница Европы и Азии, а европейская река, на обоих берегах которой живут различные скифские народы.

Кроме того, имеется еще одна деталь, сближающая рассказ Эфора с общим источником Арриана и Помпея Трога. Иоанн Лид, заимствовавший свой материал в этом месте у Арриана (см. выше), говоря о споре о старшинстве между египтянами и скифами, ссылается на Анахарсиса (De mens. III. 1). В то же время Эфор, говоря о «справедливых скифах», видимо, посвятил достаточно много места рассказу об Анахарсисе, которого он включал в число семи мудрецов и которому приписывал ряд изобретений (Strabo. VII. 3. 9). Впрочем, Анахарсис был слишком популярной фигурой, слишком часто упоминавшейся разными авторами в связи со скифами, чтобы здесь можно было с уверенностью говорить о какой-то зависимости. Можно заметить также, что и Аммиан Марцеллин, использование которым источника, восходящего в конечном счете к Эфору, также засвидетельствовано⁸⁶, принадлежит к узкому кругу авторов, сообщающих о споре скифов и египтян о старшинстве (XXII. 15. 2). Вряд ли здесь может идти речь о простом совпадении – слишком специфичен сюжет.

Рассказ о войне скифов и египтян у Помпея Трога тесно связан с предыдущим изложением скифских обычаев и является по существу иллюстрацией тезиса о скифской непобедимости. То, что битва скифов и египтян происходит на Фасисе, лишний раз свидетельствует о единстве повествования. Можно предположить поэтому, что и рассказ об этой войне восходит к Эфору. В самом деле, традиция об этой войне известна уже Мегасфену (см. выше) и, следовательно, существовала раньше его времени. Можно предположить, что весь рассказ о победе скифов над египтянами создал именно Эфор, целью которого было подтвердить тезис о непобедимости скифов, основанной на их образе жизни. Главным его источником здесь продолжал оставаться Геродот, отмечавший, что скифов трудно победить (IV. 46. 2–3⁸⁷), однако не утверждавший абсолютную их непобедимость. Эфор, усиливший трезвую констатацию Геродота до утверждения, что скифы ἀμαχοὶ καὶ ἀνίκητοι, должен был опровергнуть

⁸⁶ См. *Ivantchik A.I.* Die hellenistischen Kommentare zu Homer Il. 13, 3–6: zur Idealisierung des Barbarenbildes. Ephoros und die Philologen der alexandrinischen Schule // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9. – 14. März 1994 in Berlin. Tübingen, 1996. S. 685–687.

⁸⁷ Об этой традиции см. там же.

рассказ того же Геродота об их покорении египетским Сесострисом (Herod. II. 103, 110). Основываясь на геродотовских рассказах о походе Дария против скифов и о 28-летнем господстве последних в Азии, он сконструировал свой рассказ об еще одном, более древнем походе скифов, каждая деталь которого дублирует события одного из двух геродотовских рассказов. Сесострис при попытке напасть на скифов потерпел такое же поражение, как позже при такой же попытке Дарий. Как и Дарий, он бежал, бросив часть своего войска. Последнее обстоятельство дало возможность объяснить и то, почему египетские воины остались в Колхиде – сам Геродот признается, что он не может точно сказать, почему это произошло (II. 103). Скифы же после этого совершили такой же поход в Азию, как и позже, когда их царем был Мадий, также дойдя до границ Египта. Как скифские женщины изменили своим мужьям из-за их долгого отсутствия во время второго похода, так же пригрозили поступить и женщины во время первого. Даже имя вождя этого сконструированного скифского завоевания было просто взято из геродотовского рассказа – скифов возглавлял Идантирс, двойник победоносного противника Дария⁸⁸.

Можно полагать, следовательно, что традиция о победе скифов над египетским Сесострисом и последующем завоевании ими Азии восходит в конечном счете к Эфору⁸⁹. В рамках своей идеализации скифов Эфор усилил уже имевшееся в традиции представление об их непобедимости и, поскольку оно отчасти противоречило данным его основного источника по скифам, Геродота, сконструировал рассказ о том, что на самом деле в скифо-египетской войне победили не египтяне, а скифы⁹⁰. Именно этот рассказ имеет в виду Мегасфен, говоря о скифском Идантирсе как великом завоевателе.

Однако наряду с ранними чертами (например, проведение границы между Европой и Азией по Фасису) в рассказе Помпея Трога имеются и черты явно более позднего происхождения (возведение к скифам парфян и бактрийцев, использование поздней формы имени египетского царя). Эти черты объясняются, очевидно тем, что рассказ Эфора не раньше II в. до н. э. подвергся обработке некоего эллинистического автора. Этот автор, такой же, как Эфор, «скифофил», а также, вероятно, и «парфянофил»⁹¹,

⁸⁸ К области фантастики относится предположение о том, что в основе рассказа о завоевании Сесострисом Скифии лежит эпизод, связанный с нашествием «народов моря» на Египет: *Montet P. Germanicus et le vieillard de Thèbes // Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strassbourg. 1947. 106. P. 76–77.* Автор предполагает, что во второй части имени Идантирса скрывается название одного из «народов моря», Tr̄s и на основании этого странного сопоставления приписывает этому народу, как и позднейшим тирсенам, с которыми он его отождествляет (их имя, кстати, пишется *Τυρσίον*, а не *Θυρσίον*), как полагает П. Монте), скифское происхождение. Эту конструкцию (М. Малез оценивает ее как «ingénieuse»: *Malaise. Op. cit. P. 266. Not. 4*) трудно определить иначе как курьез.

⁸⁹ Предположение о том, что рассказ Помпея Трога о скифах восходит к Эфору, уже высказывалось: *Neuhaus O. Die Quellen des Trogus Pompejus in der persischen Geschichte. Programm des Königlichen Gymnasiums zu Hohenstein in Ostpreussen. Osterode Ostpr., 1882. S. 15–21.* Автор делает ряд интересных наблюдений, но его предположение о том, что повествование Помпея Трога целиком восходит к Эфору невозможно принять. В особенности это невероятно для сообщения о происхождении парфян: *Neuhaus. Op. cit. S. 19* (см. ниже).

⁹⁰ Подобное обращение с источниками вовсе не уникально в античной литературе: замена утверждения традиции на прямо противоположное встречается в ней достаточно часто. Так, например, младший современник Эфора Дурис Самосский, вопреки традиции о супружеской верности Пенелопы, утверждает, что она не просто изменила Одиссею, но изменила ему со всеми женихами (FGrHist 76 F 21, возможно, из сатирической драмы или комедии). Д. Лайонс (*Lyons D. Gender and Immortality. Heroines in Ancient Greek Myth and Cult. Princeton, 1997. P. 141*) замечает по этому поводу, что достаточно было, чтобы в легенде утверждалось, что что-нибудь не произошло, для того, чтобы появилась традиция о том, будто это событие в действительности имело место. Это утверждение близко к истине, хотя, конечно, для изменения традиции требовались и другие причины.

⁹¹ А. фон Гутшмид (*Gutschmid. Op. cit. S. 96 f.*) полагает, что Помпей Трог излагает персидскую традицию, некую «Persische Nationalsage». С этим предположением невозможно согласиться как потому, что этот рассказ прежде всего имеет проскифскую направленность, а мидийцы упоминаются в нем походя лишь однажды, персы же не упоминаются вовсе, так и потому, что он имеет множество черт, выдающих его литературное греческое происхождение. Предположение о том, что источником материала Помпея Трога

дополнил рассказ предшественника некоторыми новыми материалами. Так, ему принадлежит добавление сообщений о том, что парфяне (возможно, также бактрийцы, если упоминание последних не восходит к Помпею Трогу) – потомки скифов, оставшихся в Азии после ее покорения Идантирсом. Видимо, такое добавление облегчалось и тем, что Эфор вслед за поэтом V в. до н. э. Херилом Самосским, которого он цитирует, считал среднеазиатских саков переселенцами (ἀποκοί) скифов. Существенным (хотя, возможно, и не сознательным) изменением было то, что эфоровская идеализация лишь одного скифского народа оказалась перенесена на обобщенный образ всех скифов. Возможно, что этот автор использовал также источник первой книги Диодора (Гекатея Абдерского?), откуда он заимствовал среди прочего форму имени египетского завоевателя Sesoosis. Кроме того, вероятно, к нему восходит искажение имени скифского царя Ἰανθύσος вместо Ἰδανθύσος. Неясно, было ли оно сознательным (для того, чтобы отличать древнего царя от современника Дария). Впрочем, имя Идантирса в греческой литературе подвергалось постоянным искажениям и существует во множестве различных форм (Ἰνδάθυρις – Megasth.; Ἰδανθύραν – Clem. Alex. V. 8. 44. 2 (ex Pherec. Ler. ?); Ἐανθύσος, Ὑδανθύσος, Ὑδανθηρσος – mss. Plut. Mor. De Stoic. repug. 20, 1043 C = Chrysipp. Fr. 691 Arnim; Antyri, Anthyri – Iord. Get. 10; Ianthyri, Iamciri, Lamiri – Iust. II. 5. 8 etc.), так что такое искажение могло произойти и невольно. Кроме того, видимо, тому же автору принадлежит и абсолютная датировка скифо-египетской войны, которая основывается на датировке правления Сесостриса Дикеархом. Именно этой датировкой объясняется и сообщение о полуторатысячелетней гегемонии скифов в Азии, которая должна была заполнить промежуток между двумя известными восточными царями – египетским Сесострисом – Сесосисом и основателем Ассирийской державы Нином. Скорее всего к нему же восходит и изложение спора о старшинстве между скифами и египтянами, если оно не содержалось уже у Эфора (ср. его физические спекуляции, связанные с Нилом: FGrHist. 70 F 65, и интерес к возрасту народов: F 109). Сочинение этого иранофильского автора послужило источником Помпею Трогу и Арриану, труд первого из которых дошел до нас в независимых друг от друга переложениях Юстина и Кассиодора (Иордана), а второго – в кратком резюме Фотия.

ВАЛЕРИЙ ФЛАКК И ПЛИНИЙ О СКИФО-ЕГИПЕТСКОЙ ВОЙНЕ

Той же традиции, очевидно, принадлежит сообщение поэта I в. н. э. Валерия Флакка, который в своей «Аргонавтике» (V. 416–421) связывает ее с идущей от Геродота теорией о происхождении колхов от воинов Сесостриса: *cunabula gentis* (417) *Colchidos hic ortusque tuens, ut prima Sesostris* (418) *intulerit rex bella Getis, ut clade suorum* (419) *territus hos Thebas patriumque reducat ad amnem, (420) Phasidis hos imponat agris Colchosque vocari* (421) *imperat*. Скифы, таким образом, отождествляются здесь с гетами, как позже Кассиодор (у Иордана) отождествлял тех и других с готами. В другом пассаже сочинения Валерия Флакка (VI. 33–170) также можно проследить некоторые параллели с текстом Юстина. Часть перечисляемых здесь народов, входящих в состав скифского войска, сопровождается эпитетами, позволяющими утверждать, что Валерий Флакк был знаком с идеализирующей скифов традицией (VI. 130–131, 145)⁹².

В рамках той же «скифофильской» традиции находится и одно из сообщений Плиния Старшего (NH. XXXIII. 52), которое, однако, стоит внутри нее особняком. Плиний сообщает о царе колхов по имени *Saulaces*, потомке Ээта, который владел огромным количеством золота и серебра. Здесь же говорится о его победе над египетским царем

были Персικά Динона (фрагменты см. FGrHist 690) так же кажется совершенно не аргументированным. Этому предположению противоречит и ранняя дата Динона (вторая треть IV в. до н. э.).

⁹² А. фон Гутсмид (*Gutschmid*. Op. cit. S. 82 f.) предполагает здесь единый источник. Возможно, Валерий Флакк и пользовался источником Помпея Трога, но ему явно были доступны (возможно, через посредников) и другие, в том числе хорошо информированные, источники, откуда происходит, например, сообщение о Колаксе (VI. 48).

Сесострисом, который ежегодно запрягал кого-нибудь из побежденных им царей в свою колесницу, справляя таким образом триумф. Последняя деталь восходит, очевидно, в конечном итоге к тому же источнику, что и аналогичное сообщение у Диодора (I. 58. 2), т.е. скорее всего к Гекатею Абдерскому. Однако победа над Сесострисом приписывается не скифам, а колхам, царь которых по имени *Saulaces* более в источниках не упоминается. Этот рассказ подразумевает также, что колхи не происходят от воинов Сесостриса. Наконец, этот подход, а значит и правление Сесостриса, относится к достаточно позднему времени – во всяком случае после похода аргонавтов, о чем свидетельствует замечание о том, что Савлак был потомком их современника Ээта. Источник информации Плиния в данном случае неясен, но скорее всего он был достаточно поздним. На это указывает характерное для позднего времени смешение скифов и колхов (ср. Steph. Byz. s.v. Παυτίκκαπαίον, где утверждается, что царем скифов был сын Ээта; Shol. Pind. P IV. 377, где утверждается, что скифы были ἀποκοί египтян; речь идет, разумеется, о традиции о египетском происхождении колхов). Следует отметить при этом, что имя Савлака – по всей вероятности, сармато-аланское (ср. осет. *sawlæg* – «черный человек»). В первой части имени содержится древнеиранское слово *saava* > *sav-*, «черный», а во второй – алано-осетинское *læg* – «мужчина, муж». Второе слово, известное в ряде кавказских языков, является в алано-осетинском, ранним кавказским заимствованием. На раннюю дату этого заимствования указывает наличие в венгерском слова *legeny* – «парень», куда оно вошло из аланского; засвидетельствовано данное слово и в аланской Зеленчукской надписи XII в.⁹³ Возможно поэтому, в основе рассказа Плиния лежит некий неизвестный нам источник, излагавший иную версию скифо-египетской войны и опиравшийся отчасти на собственно сармато-аланскую традицию о легендарном царе Савлаке. Эта традиция была скомбинирована с известиями о золотоносной Колхиде, и сармато-аланский царь превратился в колхского, который, как все колхские цари в греческой традиции, был объявлен потомком Ээта. Возможно, эта традиция была изначально связана с Кавказом (ср. ирано-кавказский характер имени Савлака), что облегчило ее соотнесение с Колхидой.

Остальные упоминания Сесостриса у Плиния происходят из других источников. Дважды этот царь упоминается в VI книге: в первом тексте (165) сообщается, что он впервые пытался прорыть канал от Нила до Красного моря, во втором (174) говорится, что мыс и бухта *Mossylites* на северо-восточном побережье Африки были крайней точкой, куда дошли войска Сесостриса. Оба упоминания, очевидно, заимствованы у Юбы Мавританского (FGrHist 275 F 34–35), который в свою очередь опирался в основном на эллинистические источники. Упоминания о канале Сесостриса встречаются в античной литературе начиная с Аристотеля (Arist. Meteor. I. 14, 352 b), к которому, видимо, в конечном итоге и восходит эта информация. Морские и сухопутные походы Сесостриса на юг являются существенной частью традиции о нем и восходят в конечном счете к местной египетской традиции. Конкретное упоминание пункта на побережье, до которого дошел Сесострис, явно происходит из одного из эллинистических периплов.

Вряд ли к этой традиции, вопреки мнению А. фон Гутшмида⁹⁴ принадлежит ученик Аристотеля Клеарх. Его сообщение (fr. 46 Wehrli) о том, что скифы отрезали носы покоренным, от чего происходит название их потомков, возможно, действительно связано с народной этимологией названия палестинского города *Ῥινοκόλουρα*. Страбон пересказывает весьма сходную историю, объясняющую название этого города (XVI. 2. 31) – сюда были переселены некие египетские *κακοῦροι*, которым отрезал носы эфиопский царь (очевидно, Тахарка). Однако подобная связь в рассказе Клеарха вовсе не означает, что скифы дошли до этого города: он говорит, что потомки обезобра-

⁹³ *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1958–1989. Т. II. С. 20 сл.; Т. III. С. 42 сл., 46.

⁹⁴ *Gutschmid.* Op. cit. S. 91: Anm. 1.

женных скифами людей, которые называются сейчас по своему увечью, переселились (οἱ ἀπόουνοι μεταστάτες ἔτι καὶ νῦν ἀπὸ τοῦ πάθους ἔχουσιν τὴν ἐπιωνμίαν). Речь может идти, таким образом, о каком-то переселении из Скифии, о времени и обстоятельствах которого ничего не сообщается. Однако даже если предположить, что Клеарх действительно имел в виду, что скифы отрезали носы жителям Палестины (что маловероятно), то он мог говорить и о походе скифов Мадия в конце VII в. до н. э., о котором рассказывает и Геродот. Связь фрагмента Клеарха с традицией о скифо-египетской войне, следовательно, более чем сомнительна.

ИОАНН МАЛАЛА О СКИФО-ЕГИПЕТСКОЙ ВОЙНЕ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Особый интерес представляет сообщение Иоанна Малалы (II. 4. 25–26 Dindorf) о Сесострисе, который называет его Σῶστρις (очевидно, искажение Σέσωστρις). Он помещает его правление после правления богов в Египте и сообщает, что этот царь покорил ассирийцев, халдеев и персов, а также Азию, всю Европу, Скифию и Мезию. Возвращаясь из Скифии, он переселил 15000 скифских юношей в Персию, где их потомки живут до сих пор; они называются персами Πάρθοι, что означает на персидском языке Σκίθαι. Они сохраняют до сих пор скифскую одежду, язык и законы и по-прежнему очень воинственны, как о том говорит Геродот. Сообщения о Сострисе Иоанна Антиохийского (fr. 6, 10 Müller) и Суды (s. v. Σῶστρις), а также некоторых других источников, явно восходят к Малале⁹⁵. Наличие той же формы имени египетского царя у Иоанна Антиохийского, возможно, свидетельствует о достаточно раннем его искажении. Однако в другой глоссе Суды (s. v. Πάρθοι), в которой дается та же информация и которая, видимо, восходит к Малале или его источнику, переселение скифов, ставших позже называться парфянами, приписывается царю по имени Σέσωστρις. Кроме того, также называется этот царь и в «Пасхальной хронике», соответствующий пассаж которой целиком заимствован у Малалы и совпадает с ним дословно (Chron. Pasch. 47 a–b, 84–85 Dindorf), а также у Георгия Кедрена (36, 10–15 Bekker), информация которого, хотя и не непосредственно, также восходит к Малале. Это, по-видимому, свидетельствует о том, что у самого Иоанна Малалы имелась еще правильная форма имени египетского царя, а ее искажение произошло в части более поздних рукописей, одной из которых пользовался уже Иоанн Антиохийский.

Что касается источника сведений Малалы в этом пассаже, то он не вполне ясен. Если предшествующие пассажи о египетских царях-богах, как показал еще Г. Гельцер, восходят к Юлию Африкану, а через него к Манефону⁹⁶, то Сесостриса эти авторы датируют значительно позже и не сообщают о нем ничего подобного. Предположение о том, что соответствующий пассаж заимствован у некоего Тимофея, писавшего незадолго до Малалы и известного только по цитатам в его сочинении⁹⁷, достаточно сомнительно. Оно основывается лишь на том, что в следующем затем пассаже II. 5 (26–27 Dindorf) речь идет о Гермесе Трисмегисте⁹⁸, а сообщения о языческих оракулах и герметические фрагменты у Малалы считаются заимствованными именно у этого автора. Однако очевидно, что рассказ о Гермесе Трисмегисте механически добавлен к первоначально независимому рассказу о завоеваниях Сесостриса и разрывает его.

⁹⁵ О соотношении между ними см. *Jeffreys E. The Transmission of Malalas' Chronicle. Malalas in Greek // Studies in John Malalas. Byzantina Australiensia. 6. Sydney, 1990. P. 251 f., 262 f.*, с литературой. Указания на параллельные источники см. *The Chronicle of John Malalas / Transl. E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. Byzantina Australiensia. 4. Melbourne, 1986. P. 12.*

⁹⁶ *Gelzer H. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie. Bd I–II. Lpz, 1880. S. 191–196; FGrHist. Bd III C, 1. 1958. S. 64 f.*

⁹⁷ *Bourier H. Über die Quellen der ersten vierzehn Bücher des Iohannes Malalas. Programm des königlichen humanistischen Gymnasiums St. Stephan in Augsburg. 2. Teil. Augsburg, 1900. S. 31f., 58; Jeffreys E. Malalas' Sources // Studies in John Malalas. Byzantina Australiensia. 6. Sydney, 1990. P. 194 f.*

⁹⁸ Передаваемые здесь оракулы см. *Erbse H. Fragmente griechischer Theosophien. Hamburger Arbeiten zur Altertumswissenschaft. 4. Hamburg, 1941. S. 202 f.*

Скомпанованы два сообщения достаточно грубо: после длительного рассказа о Гермесе Трисмегисте без всякого перехода продолжается рассказ о Сесострисе (II. 6, 27 Dindorf), начинающийся словами «после этой победы» (μετὰ τῆν νίκην). Принадлежит ли объединение двух рассказов Тимофею или самому Малале, установить не представляется возможным, однако последнее кажется более вероятным. Впрочем, даже если действительно пассаж о Сесострисе заимствован у Тимофея, это мало что меняет – Тимофей жил незадолго до Малалы и мог пользоваться примерно теми же источниками, что и он сам, а наша информация о нем ограничивается лишь сведениями, которые можно почерпнуть у того же Малалы.

Рассказ Иоанна Малалы обнаруживает существенную близость с общим источником Помпея Трога и Арриана: парфяне, согласно его мнению – потомки переселившихся скифов, причем это переселение связано с египетским царем Сесострисом. Однако содержание рассказа совершенно иное: вместо проскифской его тенденция проегипетская, о разгроме скифами Сесостриса нет и речи, а источник Иоанна Малалы остается полностью в рамках традиции о покорении Сесострисом Скифии. Парфяне оказываются потомками скифов, переселенных в Персию Сесострисом. Иоанн Малала дает при этом ссылку на Геродота, который, впрочем, не говорит ничего подобного ни о парфянах, ни о переселении скифов, хотя и сообщает о покорении Сесострисом Скифии. Эта ссылка удостоверяет, однако, что автор источника Малалы следовал именно геродотовской традиции и эксплицитно ссылался на «отца истории». Все эти различия не позволяют предполагать для Иоанна Малалы источника, общего с Помпеем Трогом и Аррианом, антиегипетская и антигеродотовская тенденция которых очевидна⁹⁹. Определить конкретно источник Малалы не представляется возможным – ясно лишь, что это автор позднеллинистической или римской эпохи, представлявший проегипетскую тенденцию, пользовавшийся сочинением Геродота, но при этом осведомленный и в литературе о парфянах и знавший об их возведении к скифам. Возможно, он знал даже и источник Помпея Трога и Арриана, но коренным образом переработал его, сменив тенденцию рассказа на противоположную. На достаточно позднюю дату этого автора указывает и замена в списке завоеваний Сесостриса традиционной Фракии Мезией. А. фон Гутшмид предполагает, что источником Иоанна Малалы был именно Арриан, переработавший рассказ своего источника для приведения его в соответствие с Геродотом¹⁰⁰. Эта гипотеза в принципе не исключена, однако совершенно не доказана. Так, важнейшим аргументом А. фон Гутшмида является предположение, что Арриан, а вслед за ним Малала, точнее передают общий источник, чем Помпей Трог. По его мнению, Арриан считал, что на скифское происхождение парфян указывает их название в персидском языке, а Помпей Трог – в скифском, причем последнее мнение искажает текст источника. Однако, как показывает неучтенный А. фон Гутшмидом текст Иоанна Лиды, содержащий прямую ссылку на Арриана (FGrHist. 156 F 32 = Io. Lyd. De mens. III. 1), Арриан, так же как Помпей Трог, говорил о скифском языке. Иоанн Малала, следовательно, в этом отношении расходится не только с Помпеем Трогом, но и с Аррианом, а следовательно, и с их общим источником. Остальные аргументы в пользу заимствования рассказа Иоанна Малалы у Арриана также не убеждают, так что это предположение остается сугубо гипотетичным.

Подводя итог, историю развития античной традиции о войне между египетским царем Сесострисом и скифами можно вкратце представить следующим образом (см. схему). В ее основе лежит, очевидно, египетский фольклор патриотической направленности. Фараон Сенусерт был одним из героев широко распространенных в Египте произведений (сказок, песен, поучений и т.д.), передававшихся, видимо, как в письменной, так и устной форме. Не раньше рубежа VI–V вв. до н. э. рассказы о Сенусерте были дополнены рядом новых деталей, в которых явно ощущалась антиперсидская тенденция – стремление показать превосходство этого сказочного царя над нынешними

⁹⁹ Об антигеродотовской полемике у Помпея Трога см. *Gutschmid. Op. cit.* S. 91 f.

¹⁰⁰ *Ibid.* S. 92–95.

Схема развития античной традиции о Сесострисе

А. Египетская традиция:

Аа. Египетский фольклор

Аа 1. Египетский фольклор перв. пол. V в. до н.э. антиперсидской направленности ("Сесострис лучше Дария")

Hdt. II, 102-110 [+ *ιστορίαι*
Геродота (стелы; колхи)]

Греческая "вульгата" IV-III вв. до н.э.
Theopomp. F 46 Jacoby;
Aristot. Meteor. I, 14, 352 (→ Strabo I, 2, 31); Pol. VII, 10, 1-6 1329 b (→ Dicaearch. fr. 57-58 Wehrli [+ собственные теории перипатетиков]); Nymphodor. Amphip. fr. 21 Müller (→ Suda, s.v. Σέσωστρις); Apoll. Rhod. IV, 272-281;

Позднеэллинистический источник, основанный на Геродоте и знакомый с парфянской "праисторией"

Io. Malala II, 4, 25-26 Dindorf

Аб. Египетская письменная традиция

Manetho F 2-3b Jacoby (заметка о Сесострисе (авторство неясно: Манефон? Африкан?) зависит от Геродота, возможно, отчасти от источника Диодора, его датировка - от египетской письменной традиции)

Africanus

Val. Flacc. V, 416-421

Euseb., Ieronim. etc.

Plin. N.h. XXXVI, 74 (передача надписи на обелиске?)

Plin. N.h. XXXIII, 52 (в основе, кроме греческой литературы, сарматская легендарная традиция о Савлаке).

Аа 2. Египетский фольклор раннего эллинизма антимакедонской направленности ("Сесострис лучше Александра")

Hecat. Abder. ?

Diod. Sic. I, 53-58

P. Oxy. 1826, 2466, 3319 Ps.-Callisth. Vita Alex.

Аа3. Египетский фольклор римского времени ("Сесонхосис и Александр - великие египетские цари")

В. "Проскифская" литературная традиция:

Ephorus

FGrHist. 70, F 42 = Strabo VII, 3, 9;
FGrHist. 90, F 104 = Io. Stob. Anth. III, 1, 200; F 158 = Ps.-Skymn. 850-857 = Anon. Peripl. Pont. Eux. 49 (создает традицию на основании сведений Геродота о скифах и их идеализации)

Позднеэллинистический источник (в основе Эфор + хронология Дикеарха, источник Диодора и теория о происхождении парфян от скифов)

Megasth.

FGrHist 715 F 11 = Strabo XV, 1, 6 = Arr. Ind. 5, 4

Arr. Parth. fr. 1, 3 Roos = FGrHist 156 F 30 = Phot. Bibl. 58, 17b

Pomp. Trog. fr. 36 a-b Seel

Iust. I, 1, 6; II, 3, 8-18

Iord. Get. 6

Amm. Marc. XXII, 15, 2

Lyd. De mens. III, 1 = FGrHist 156 F 32

Oros. Adv. pag. I, 14-15

- надежно устанавливаемое заимствование или влияние
- предполагаемое заимствование или влияние

владыками Египта. Одной из таких деталей было утверждение о том, что, кроме других народов, ныне входящих в состав Персидской державы, ему удалось покорить также и далеких скифов, которые недавно нанесли поражение Дарию. В таком виде рассказ о Сенусерте, имя которого было транскрибировано как «Сесострис», заимствовал из египетского фольклора (очевидно, через посредничество египетских греков) Геродот, который дополнил его рядом собственных соображений и наблюдений (в частности, о стелах, устанавливаемых царем на земле побежденных народов, и о происхождении колхов от египтян). Большая часть упоминаний Сесостриса в античной литературе зависит именно от рассказа Геродота; иногда он мог дополняться собственными теориями или конструкциями различных авторов (например, хронологические построения Дикеарха), однако, видимо, новой информации о Сесострисе достаточно долго в античную традицию не поступало.

Положение изменилось в раннеэллинистическую эпоху. В это время некий автор, знакомый с современными ему египетским фольклором (вероятнее всего, Гекатей Абдерский), вновь, независимо от Геродота, ввел в греческую литературу рассказы о легендарном египетском фараоне, передав его имя как «Сесоосис», что гораздо точнее соответствует реальному произношению этого имени в птолемеевском Египте, чем геродотовская транскрипция «Сесострис». В египетском фольклоре этого времени неактуальная более антиперсидская тенденция сменилась на антимакедонскую, которая строилась по тому же принципу: легендарному фараону приписывались все завоевания, которые удалось осуществить новому покорителю Египта Александру Македонскому, а также те, которые ему осуществить не удалось. Некоторые рассказы, переданные этим автором, были известны уже и Геродоту, однако существенные расхождения между двумя версиями позволяют считать, что оба автора заимствовали из одного и того же источника, т.е. из египетского фольклора (где, разумеется, одни и те же рассказы передавались в разных вариантах), независимо друг от друга. Рассказ этого раннеэллинистического автора, предположительно Гекатая Абдерского, лег в основу повествования Диодора Сицилийского о Сесоосисе. Соответствующие рассказы продолжали существовать в египетском фольклоре и позже, в римское время. Видимо, они легли в основу греческого романа, в котором легендарный фараон выступает под именем «Сесонхосис»; его фрагменты, сохранившиеся в папирусах, свидетельствуют о несомненной египетской основе, хотя характерная для греческого романа любовная интрига, видимо, играла в нём какую-то роль. Существенное влияние египетского фольклора заметно и в псевдокаллисфеновском «романе» об Александре. Патриотизм египтян на этой стадии выражался уже не в возвеличивании своего легендарного царя в противовес чужеземным завоевателям, а в присвоении Александра Македонского, объявленного «новым Сесонхосисом». Египетские рассказы о Сесострисе, таким образом, в греческой литературе с равным успехом могли составить основу как исторического повествования, так и любовного романа. Некоторое влияние на развитие античной традиции о Сесострисе оказывала и египетская письменная традиция, ставшая известной грекам благодаря Манефону, однако оно было весьма ограниченным и сводилось лишь к датировке правления царя; само содержание рассказов о нем оставалось при этом неизменным. Очевидно, под влиянием широко известных рассказов о Сесострисе, античные авторы именно так транскрибировали имя Сенусерта в тех редких случаях, когда им удавалось (конечно, не самостоятельно, а с помощью какого-нибудь знатока иероглифики) прочесть реальные древнеегипетские надписи этого царя. Конечно, в этих надписях они не находили ничего подобного рассказам Геродота или Диодора (ср. Plin. NH. XXXVI. 74).

Наряду с этой основной струей «проегипетской» направленности в античной традиции существует и струя противоположной тенденции, в которой реальность скифо-египетской войны не отрицается, но победа в ней приписывается скифам. Эта часть традиции имеет чисто литературное происхождение и своим рождением обязана, по всей видимости, Эфору. Его идеализация скифов включала в качестве существенной части представление об их непобедимости, которое вступало в очевидное противо-

речие с геродотовским рассказом о завоевании скифов Сесострисом. Чтобы избежать этого противоречия и спасти свою теорию, Эфор и создал рассказ о победе скифов над египтянами, используя в качестве образца сведения о реальных скифских победах, прежде всего над Дарием, и об азиатском походе скифского царя Мадия. Рассказ Эфора повлиял на Мегасфена и Арриана. Кроме того, он лег в основу повествования некоего позднеэллинистического пропарфянского настроенного автора, не поддающегося определенной идентификации. Этот автор скомпоновал рассказ Эфора с отдельными данными, заимствованными из других источников (источник Диодора, хронология Дикеарха) и, основываясь на представлении о происхождении парфян от скифов, включил его в изложение легендарной парфянской праистории. Именно этот рассказ послужил основным источником соответствующих повествований Помпея Трога и «Парфика» Арриана, а также, вероятно, и некоторых других авторов. Особняком от остальной традиции стоит рассказ Плиния о Савлаке, видимо, в значительной мере основанный на сарматской легендарной традиции. Рассказ о победе Савлака над Сесострисом был включен в него, вероятно, под влиянием идущей от Эфора «проскифской» традиции.

В заключение следует сказать, что греческая традиция о Сесострисе и его войне со скифами вряд ли может дать что-нибудь историку фараоновского Египта. Однако она дает достаточно много историку античности, показывая не только способ обращения античных авторов с источниками и характер их отношения к историческому прошлому, но и то, какие отношения существовали между греческой и варварской историческими традициями в классическую, эллинистическую и римскую эпохи. Так, выясняется, что в греческой литературе одни и те же варварские (в данном случае египетские) фольклорные рассказы могли с равным успехом поставлять материал для исторических сочинений (Геродот, Диодор), историко-философских рассуждений (Аристотель, Дикеарх), социальных утопий (Эфор) или романов. Пример Эфора показывает, кроме того, с какой легкостью создается новая историческая традиция, сознательно сфабрикованная путем инверсии полученных из более ранних источников данных, причем непобедимый завоеватель мира превращается в ней в побежденного, а покоренный им периферийный народ – в завоевателей мира.

THE ANCIENT TRADITION ABOUT PHARAOH SESOSTRIS AND HIS WAR WITH THE SCYTHIANS

A.I. Ivantchik

We can conceive the development of the ancient tradition about the war between the King of Egypt named Sesostris and the Scythians as follows. It was originally based upon the Egyptian patriotically oriented folklore. Pharaoh Senwosret was a hero of popular Egyptian tales, songs, parables etc. transmitted, as it seems, both in oral and written form. Not earlier than in the late 6th – early 5th centuries BC the stories of Senwosret were amplified with new details conveying definitely an anti-Persian trend and aiming to prove the superiority of the legendary king over the then lords of Egypt. One of such details was an assertion that along with other peoples now under the Persian power, the King of Egypt succeeded in conquering the remote Scythians, who had recently defeated Darius, this version of the story of Senwosret (rendered as Sesostris) was borrowed from the Egyptian folklore (evidently through the Egyptian Greeks) by Herodotus, who added to it his own observations and considerations. The majority of ancient works mentioning Sesostris depend on Herodotus' account, sometimes supplemented by the authors' own theories and constructions (e. g. Dikaiarchos' chronological calculations), but no new information on Sesostris came into the ancient tradition for quite a long period.

This situation changed in the Early Hellenistic epoch, when an unknown author (most probably Hekataios of Abdera) introduced to the Greek literature new (independent of Herodotus) accounts of the legendary Egyptian pharaoh, whose name he rendered as Sesoosis, which is much closer to the real pronunciation of the name in Ptolemaic Egypt than Herodotus' version Sesostris. In the Egyptian folklore of that time the anti-Persian trend (not relevant anymore) was succeeded by the anti-Macedonian one, inheriting the same principles: all the conquests accomplished by Alexander the new lord of Egypt (and even some that never had been) were ascribed to the legendary pharaoh.

Some of the stories told by the author were already known to Herodotus, but some substantial differences between the two versions make us conclude that both authors borrowed them from the Egyptian folklore (in which, obviously, many variants existed) independently. One story of this Early Hellenistic author (Hekataios of Abdera?) was afterwards used by Diodorus Siculus as a basis for his tale of Sesosis. Similar stories were also current in the Egyptian folklore later, in the Roman times. Papyri preserved some fragments of one such "novel", where the legendary pharaoh is called Sesonchosis; its appreciable influence is to be seen in Pseudo-Callisthenes' "novel" of Alexander. At this stage Egyptian patriotism, instead of magnifying the legendary king of Egypt in comparison to foreign conquerors, tried to appropriate Alexander, declaring him "New Sesostris". The development of the ancient tradition about Sesostris was to some extent influenced by the Egyptian literary tradition known to the Greeks from Menetho, but this influence was limited and concerned only the dating of Sesostris' reign, but not the contents of the stories about him.

Along with this main "pro-Egyptian" stream there was a directly opposite trend in the ancient tradition, in which the reality of the Scythian-Egyptian war was not denied, but the victory was ascribed to the Scythians. This part of the tradition is of merely literary origin and can be traced back to Ephorus. His idealization of the Scythians implied the idea of their invincibility, which obviously contradicted Herodotus' account of Sesostris' victory over the Scythians. To avoid this contradiction Ephorus made up this story about the Scythians' victory over the Egyptians, using as a model the accounts of Scythians, real victories (chiefly over Darius) and of the Asian expedition led by the Scythian king Madias. The story by Ephorus influenced Megasthenes and Arrianus and became the basis of a narrative by a late Hellenistic pro-Parthian author not to be identified. This author combined Ephorus' story with some data borrowed from other sources (the source of Diodorus, Dikaiarchos' chronology) and, basing himself upon the belief of the Parthian origin of the Scythians, compiled the narrative, which constituted a part of his pre-history of the Parthians. This very narrative was the source of Pompeius Trogus, Arrianus' *Parthica* and, probably, some other authors.

Quite isolated from these streams is Pliny's story of Saulaces based principally, as it seems, upon the Sarmatian legendary tradition. The account of Saulaces' victory over Sesostris was introduced there under the influence of the pro-Scythian trend started by Ephorus.